

Брат мой Волк

Автор:

Мишель Пейвер

Брат мой Волк

Мишель Пейвер

Хроники темных времен #1

Шесть тысяч лет назад бескрайний первобытный Лес принадлежал не только племенам охотников и собирателей, но и духам камней, животных и растений. Иногда на него заявляли свои права и недобрые сущности из Иного Мира, способные вселяться в могучих хищников. Однажды там появился гигантский медведь, истребляющий на своем пути все живое. Тогда погиб и отец юного Торака из племени Волка, но перед смертью успел взять с сына клятву: двенадцатилетний мальчик должен спасти обитателей Леса от беспощадного чудовища. А для этого необходимо сделать то, что до сих пор не удавалось никому: найти далеко на севере Священную Гору и заручиться помощью Великого Духа...

Только в год первой публикации и только в Великобритании «Брат мой Волк» был продан миллионным тиражом. На сегодняшний день суммарный тираж цикла «Хроники темных времен» в тридцати пяти странах превысил шесть миллионов экземпляров.

Мишель Пейвер

Брат мой Волк

От автора

Если бы вы могли вернуться в прошлое, в те времена, когда жил Торак, то его мир показался бы вам, с одной стороны, удивительно знакомым, а с другой – совершенно неведомым. Ведь этот мир существовал шесть тысяч лет назад, и всю Северо-Западную Европу покрывали тогда сплошные леса. Прошло уже несколько тысячелетий с тех пор, как завершился ледниковый период, уже исчезли мамонты и саблезубые тигры, а деревья, травы и животные были почти такими же, как теперь, хотя копытные, обитавшие в лесах, были гораздо крупнее нынешних, и вы, вероятно, были бы потрясены, впервые увидев зубра – громадного дикого быка с грозно торчащими рогами, рост которого в холке достигал двух метров.

А вот люди, населявшие мир Торака, выглядели в точности как вы да я: тело такое же, руки-ноги тоже и мозг развит примерно так же. В общем, инопланетянином вы бы среди них себя не чувствовали – при том условии, естественно, что знали бы их язык, одевались бы, как они, а также имели бы соответствующую племенную татуировку.

Однако их привычки и обычаи показались бы вам совершенно отличными от наших. Будучи охотниками и собирателями, они жили небольшими группами, без конца передвигаясь с места на место. Иногда стоянка устраивалась всего на два-три дня, как, например, это делали Торак и его отец – люди из племени Волка, а иногда группа жила на одном месте целый месяц или даже целое лето, подобно людям из племени Ворона или Кабана. Земледелия они еще не знали, оно пришло к ним несколько позже, с Востока, и письменности у них тоже не было; не знали они и колеса, и металл обрабатывать не умели. Впрочем, колесо и металл были им не особенно и нужны. Они и без них отлично умели выживать в любых условиях. Они знали о животных, деревьях, травах, камнях и лесах почти все, что можно о них знать, и отлично представляли себе, где и как можно найти или сделать то, что им нужно.

На мой взгляд, определение «охотники и собиратели» не совсем точное, поскольку навязывает образ людей, которые просто скитаются по той или иной местности, подбирая все, что им удастся случайно найти. На самом же деле этим племенам доподлинно было известно, когда то или иное растение начинает

плодоносить, когда созревают орехи или нужные им травы и цветы, где они растут, в какое время года кора деревьев наиболее пригодна для плетения веревок или корзин, когда и в каких реках лосось идет к верховьям на нерест, когда олени сбрасывают рога, а также многое другое.

Если вам интересно, откуда об этом узнала я, то признаюсь: многое я почерпнула из археологии – науки, изучающей следы, которые оставили эти племена в своих лесах, их оружие, остатки их пищи, одежды и жилищ. Но это еще далеко не все. Каковы были мысли этих людей? Во что они верили? Как воспринимали жизнь и смерть и откуда пришли в эти леса? Чтобы это узнать, я изучала жизнь более близких нам по времени племен, и поныне занимающихся охотой и собирательством, например некоторых индейских племен Америки, а также инуитов (или эскимосов), живущего в Южной Африке народа сан и японских айнов.

Однако для меня по-прежнему нерешенным оставался вопрос: что же это такое – жить в лесах? Какова на вкус еловая смола? Или оленье сердце? Или вяленая лосятина? Можно ли спать в открытом с одной стороны шалаше, как это делают люди племени Ворона?

К счастью, это оказалось вполне постижимым – до определенной степени, разумеется, – потому что значительная часть тех великих лесов сохранилась и до сих пор. Я там не раз бывала, и порой мне хватало трех секунд, чтобы вернуться на шесть тысяч лет назад. Когда в полночь слышишь рев благородного оленя, или вдруг видишь, что твой след преспокойно пересекает след волка, или приходится объяснять весьма сердитому на вид медведю, что ты не представляешь для него опасности, но и охотиться на тебя тоже не стоит... Вот тогда и чувствуешь, что вокруг – мир Торака.

Завершая свое вступительное слово, я хотела бы поблагодарить тех, кто очень помог мне: Йорму Патосалми, которая была моей провожатой в лесах Северной Финляндии, позволила мне подудеть в берестяную дудку, показала, как сохранить огонь в клочке тлеющего мха, и дала множество других уроков охоты и выживания в этих диких лесах; и мистера Деррика Койла, старшего смотрителя воронов Тауэра, который познакомил меня с некоторыми поистине августейшими птичьими особами. Что же касается волков, то тут я в неоплатном долгу перед работами Дэвида Мека, Майкла Фокса, Луиса Крайслера и Шона Эллиса. И наконец, я очень благодарна своему агенту Питеру Коксу и своему издателю Фионе Кеннеди за поддержку и неиссякаемый энтузиазм.

Мишель Пейвер, 2004

Глава 1

Торак вздрогнул и проснулся, хотя спать, вообще-то, не собирался.

Костер почти догорел. Свернувшись клубком в хрупкой раковине исходившего от угольев света, Торак вглядывался в грозную тьму Леса. Но так ничего и не разглядел. И слышно тоже ничего не было. А что, если зверь вернулся? Что, если он следит за ним из темноты своими горящими глазами убийцы?

Торак замерз, внутри была какая-то странная пустота. Он понимал, что надо поесть, что у него болит рука, что глаза щиплет от усталости и бессонной ночи, но все это, в общем, было ему безразлично. Всю ночь он прятался под развалинами шалаша, сделанного из еловых лап, и бессильно смотрел, как его отец истекает кровью. Неужели все это происходит с ними?

Ведь всего лишь вчера – подумать только, вчера! – они строили шалаш в осенних голубых сумерках и Торак шутил, а отец смеялся его шуткам. И вдруг Лес словно взорвался. Послышались крики воронов. Затрещали сосны. И из мрака, уже лежавшего под деревьями, возник совершенно черный сгусток тьмы – огромное свирепое существо в обличье медведя.

Смерть вдруг оказалась совсем рядом. Страшные острые когти. Леденящее рычание дикого зверя, такое громкое, что из ушей текла кровь. Одним ударом лапы чудовище разметало их шалаш, набросилось на отца Торака, страшно распоров ему бок, и тут же исчезло, растворилось в Лесу, точно безмолвный туман.

Но что это за медведь такой, если он подкрадывается к людям, а потом вдруг исчезает, так никого и не убив? Что это за медведь такой, если он играет со своей жертвой, как кошка с мышью?

И где он сейчас, этот медведь?

За пределами освещенного костром круга Торак ничего не мог разглядеть, но знал, что вся поляна завалена сломанными молодыми деревцами и растоптанными листьями папоротников. Он чувствовал запах сосновой смолы и взрытой когтями земли. Шагах в тридцати негромко и печально бормотал ручей. Тот медведь мог притаиться где угодно.

Рядом застонал отец. Он медленно открыл глаза и посмотрел на Торака, словно не узнавая его.

У мальчика сжалось сердце.

- Это я, - прошептал он. - Тебе очень больно?

На смуглом худом лице отца гримаса страдания. Щеки слегка подкрашены серой глиной, чтобы лучше было видно племенную татуировку на скулах. Длинные темные волосы слиплись от пота.

Рана была такой глубокой, что когда Торак слегка обтер ее края мхом, то увидел, как в свете костра поблескивают внутренности. Он даже зубами скрипнул, сдерживая подкатившую тошноту и надеясь, что отец не заметил, как он испугался. Но отец, разумеется, заметил - он был охотником и замечал все.

- Торак... - выдохнул он и, протянув руку, сжал ладонь сына горячими пальцами.

У Торака перехватило горло. Обычно маленькие сыновья вот так цепляются за отцовскую руку, а не наоборот.

«Что ж, - подумал он, - придется теперь мне быть мужчиной. Нужно постараться мыслить трезво».

– Тут у нас еще немного сухого тысячелистника осталось, – сказал он отцу, свободной рукой роясь в мешочке с целебными травами. – Я думаю, это поможет остановить...

– Оставь тысячелистник себе. Ты тоже весь в крови.

– Но мне совсем не больно! – соврал Торак.

Медведь швырнул его прямо на березу, и он сильно ободрал бок, да и на левой руке была глубокая рана.

– Торак... уходи. Прямо сейчас. Пока он не вернулся.

Торак уставился на отца, открыл было рот, но так и не смог произнести ни слова.

– Ты должен, – настаивал отец.

– Нет. Нет, я не могу...

– Торак... я умираю. На заре я умру.

Торак стиснул пальцами мешочек с целебными травами. В ушах стоял оглушительный рев.

– Отец...

– Дай мне... все то, что необходимо для путешествия в Страну Мертвых, а потом собери свои вещи и уходи.

Торак покачнулся: «Страна Мертвых! Нет! Нет!»

Но взгляд отца оставался непреклонным.

– Мой лук, – приказал он. – Три стрелы. Остальные возьми себе. Там, куда я иду... охотиться очень легко.

Торак заметил, что на колене у него, обтянутом штанами из оленьей шкуры, образовалась небольшая дыра, и изо всех сил вонзил в обнажившуюся плоть ноготь большого пальца. Старался сделать себе как можно больнее и сосредоточиться на этой боли.

– Еду не забудь, – задыхаясь, продолжал отец. – Вяленое мясо... Возьми все себе.

Торак уже до крови расцарапал себе колено, но продолжал терзать его ногтем, чтобы не думать о том, как отец отправится в Страну Мертвых. Тораку было всего двенадцать лет. Как же он выживет в Лесу один? Он этого просто еще не умеет!

– Торак! Уходи!

Старательно моргая, чтобы не заплакать, Торак достал отцовский лук и положил его рядом с умирающим. Потом разделил оставшиеся стрелы, ранив дрожащие пальцы об острые кремневые наконечники. Закинул за плечо лук и колчан со стрелами и стал рыться в гряде еловых веток в поисках своего топорика из черного базальта. Заплечную корзину из веток орешника медведь изломал вдрызг, так что остальные пожитки Тораку пришлось сунуть за пазуху или привязать к поясу.

Затем он скатал свой спальный мешок из оленьей шкуры.

– Возьми лучше мой, – услышал он шепот отца. – Свой ты так и не... починил. И нож мой тоже возьми, а мне оставь свой.

Торак пришел в ужас:

– Нет, нож твой я ни за что не возьму! Он тебе самому понадобится!

– Тебе он понадобится больше. А мне... приятно будет иметь что-то твое, когда я отправлюсь в Страну Мертвых.

– Отец, пожалуйста... Пожалуйста, не надо...

Где-то хрустнула ветка.

Торак мгновенно вскочил и обернулся.

Тьма вокруг была совершенно непроницаемой. Но куда бы он ни посмотрел, ему всюду мерещился силуэт огромного медведя.

В Лесу ни ветерка.

И птицы тоже молчали.

Торак слышал лишь потрескивание костра и стук собственного сердца. Казалось, Лес прислушивается к чему-то, затаив дыхание.

Отец слизнул с губ капельки пота и сказал:

– Нет, пока еще его здесь нет. Но скоро... скоро он придет за мной... Торопись. Не забудь: ножи.

Тораку совсем не хотелось меняться с отцом ножами. Ведь это означало бы конец. Но отец внимательно следил за ним, и глаза его смотрели строго: отказаться было нельзя.

До боли стиснув зубы, Торак вложил свой нож в отцовскую руку. Потом отвязал у него от пояса ножны с охотничьим ножом. Нож у отца был красивый и очень опасный; он был вырублен из голубой слюдяной пластины и по форме напоминал ивовый лист, а рукоять, сделанную из рога благородного оленя, отец обмотал лосиными жилами, и держать ее было очень удобно. Но стоило Тораку взять этот нож в руки, как его пронзила мысль о том, что это конец, что теперь ему придется жить без отца, что он уже начинает готовиться к этой жизни...

– Я не уйду! Я не оставлю тебя! – закричал он. – Я буду с ним сражаться и...

– Нет! Этого медведя никому не одолеть!

С ветвей ближних деревьев, хлопая крыльями, сорвались вороны.

У Торака перехватило дыхание.

– Слушай, что я скажу тебе, – со свистом прошептал отец. – Медведь – любой медведь – самый сильный охотник в Лесу. И ты прекрасно это знаешь. Но тот медведь... он намного сильнее...

По спине у Торака бегали мурашки. Он, не отрываясь, смотрел отцу в глаза и видел крошечные красные жилки, сеткой покрывшие белки, и бездонную глубину зрачков.

– Что значит – намного? – тоже шепотом спросил он. – Разве...

– Этот медведь... одержим злыми духами. – Лицо отца стало таким мрачным, что уже почти ничем не напоминало его прежнее живое и веселое лицо. – В нем поселился... какой-то... злой дух из Иного Мира; из-за него этот зверь стал таким свирепым.

Затрещали угли в костре. Темные деревья склонились ниже, точно прислушивались.

– Злой дух? – шепотом переспросил Торак.

Отец прикрыл глаза, собираясь с силами.

– Теперь он существует только для того, чтобы убивать, – с трудом выговорил он. – Убьет – и сила его сразу возрастает. И он будет убивать все живое вокруг. Любое животное. Любого человека. Погибнет всё. И Лес тоже... – Голос у него сорвался. – Еще один месяц – и будет поздно. Этот злой дух... слишком силен...

– Всего один месяц? Но что...

– Подумай, Торак! Ты же знаешь: ночи, когда красный глаз бывает в зените, страшнее всего; тогда злые духи обретают наибольшую силу. И тогда этот медведь станет... неуязвим. – Отец с трудом перевел дыхание, в свете костра было видно, как мучительно и слабо бьется жилка у него на шее – вот-вот совсем затихнет. – Я хочу, чтобы ты кое в чем мне поклялся, – сказал отец.

– Поклянусь в чем угодно!

Отец сказал:

- Ступай на север. Идти придется много дней. Отыщи... Священную Гору... Там обитает Великий Дух.

Торак непонимающе смотрел на отца: глаза его были открыты и устремлены куда-то вдаль, сквозь ветви у него над головой; он словно видел нечто такое, что другим видеть не дано.

- Найди ее, - повторил он. - Это единственная надежда...

- Но... ведь никто никогда не мог найти Священную Гору. Никто!

- Ты сможешь.

- Но как? Я не...

- Тебе поможет... провожатый.

Торак был потрясен. Так отец никогда с ним прежде не говорил! Отец был человеком действия, настоящим охотником.

- Ничего не понимаю! - выкрикнул Торак. - Какой провожатый? Почему я должен искать эту Гору? Я буду там в безопасности, да? Ты поэтому меня туда посылаешь? Чтобы я спасся от этого медведя?

Отец с трудом оторвал взгляд от темного неба и посмотрел на сына. И смотрел он, словно прикидывая, сколько еще горя сможет вынести этот мальчик. Потом вдруг гримаса боли исказила его лицо, и он прошептал:

- Ах, как ты юн, Торак... я надеялся, что у меня еще есть время. Я ведь так много не успел тебе рассказать. Ты... постарайся не возненавидеть меня за это... потом.

Торак в ужасе смотрел на него. Потом вскочил.

- Нам нужна помощь. Я пойду и...

- Нет! - Это короткое слово прозвучало с удивительной силой. - С первого дня твоей жизни я старался держать тебя... в стороне ото всех, даже от твоего родного племени Волка. Держись от людей подальше, Торак! Если они узнают, на что ты способен...

- Я не понимаю, что ты...

- Нет времени объяснять, - оборвал отец. - Дай мне слово. Поклянись моим ножом... поклянись, что найдешь Священную Гору или умрешь, пытаясь ее отыскать.

Торак до боли закусил губу. Небо на востоке за деревьями уже начинало сереть. «Еще не пора! - в ужасе думал он. - Нет, пожалуйста, ведь еще не пора!»

- Клянись! - прохрипел отец.

Торак опустился на колени и взял в руки отцовский нож. Это был нож взрослого мужчины, слишком большой и тяжелый для двенадцатилетнего мальчика. Торак неловко прикоснулся лезвием к ране у себя на предплечье, затем - к плечу, где на куртку у него был нашит клочок волчьей шкуры, знак племени Волка. И дрожащим голосом произнес клятву:

- Кровью своей, что на этом ноже, и душами своими, всеми тремя, клянусь, что найду Священную Гору. Или умру, пытаясь ее отыскать.

- Хорошо, - выдохнул отец. - Хорошо. Теперь все. Только нанеси мне на лицо знаки Смерти и поторопись. Медведь... уже близко.

Торак почувствовал на губах соленые слезы и сердито смахнул их рукой.

- У меня охры нет, - пробормотал он.

- Возьми мою.

Как в тумане, Торак отыскал маленький резной флакон из рога оленя, некогда принадлежавший его матери, вытряхнул на ладонь черную дубовую затычку, высыпал немного порошка красной охры и... вдруг замер.

– Я не могу, – признался он.

– Можешь. Ради меня.

Сдерживая рыдания, Торак смочил порошок слюной, прямо на ладони замешал густую кашу – влажная охра была похожа на темно-красную кровь земли – и нарисовал на коже отца маленькие красные кружки; эти кружки должны помочь душам узнать друг друга и остаться вместе после смерти тела.

Вначале он очень осторожно снял с отца башмаки из шкуры бобра и на каждой его пятке нарисовал по кружку, пометив его телесную душу. Затем поставил кружок над сердцем, обозначив душу племени. Сделать это оказалось непросто – мешал старый шрам, так что на груди у отца получился не кружок, а кривоватый овал. Но Торак надеялся, что сойдет и этот.

И наконец он сделал самую важную отметину: кружок на лбу, обозначающий Нануак отца, его внешнюю душу. К этому времени Торак был уже не в силах сдерживать слезы, ручьем побежавшие по щекам.

– Теперь мне лучше, – прошептал отец, но Торак заметил – и ужас сжал ему сердце, – что пульсирующая жилка на шее у отца бьется все слабее.

– Ты не можешь умереть! – вскричал он. – Не можешь!

Отец посмотрел на него долгим тоскливым взглядом.

– Я не оставлю тебя, отец, я...

– Торак. Ты дал клятву. – Отец помолчал. – Все. Возьми себе... рожок с охрой. Мне он больше не нужен. А теперь принеси воды из ручья и сразу же уходи.

Торак пошарил среди веток, но бурдюк для воды оказался разорванным в клочья. «Ничего, – решил он, – я сорву листок конского щавеля покрупней и

принесу отцу напиться. А плакать больше ни за что не буду». И, словно приказывая себе не плакать, больно надавил на глаза кулаками.

Он встал, собираясь бежать к ручью, и тут услышал, как отец снова прошептал его имя.

– Что, отец? – обернулся к нему Торак.

– Помни. Когда охотишься, всегда смотри, что у тебя сзади. Я... всегда напоминал тебе об этом. – Слабая улыбка тронула губы отца. – А ты всегда... об этом забывал. Охотник должен знать, что у него за спиной. Ты понял?

Торак кивнул. И тоже попытался улыбнуться. А потом опрометью бросился сквозь мокрые папоротники к ручью.

Светлело. В чистом воздухе разливались утренние ароматы. И повсюду вокруг кровоточили израненные медведем деревья, роняя на землю свою золотистую кровь-смолу. А духи покалеченных деревьев тихонько стонали от боли под утренним ветерком.

Торак подбежал к ручью. Над густыми папоротниками плыл туман; ивы макали в темную холодную воду свои длинные пальцы. Быстро оглядевшись, Торак сорвал самый крупный лист конского щавеля и шагнул к воде, тут же увязнув в мягкой красной глине.

И вдруг замер.

Возле правой ноги он увидел отпечаток передней лапы медведя. Чудовищный след был раза в два больше головы Торака и совсем свежий; были видны даже глубокие ямки, где страшные длинные когти глубоко вошли в землю.

ОГЛЯНИСЬ, ТОРАК!

Он резко обернулся.

Ивы. Ольха. Ели.

И никакого медведя.

Сердце глухо ударило в груди.

С соседней ветки слетел на землю ворон – мальчик даже подпрыгнул от неожиданности. Ворон, сложив жесткие черные крылья, внимательно посмотрел на Торака глазами-бусинами, потрянул головой, коротко каркнул и полетел прочь.

Торак быстро повернулся в ту сторону, куда, как ему показалось, указывал ворон.

Темные стволы тисов. Обвисшие еловые лапы. Густая, непроходимая чаща.

Но в глубине этой чащи – в десяти шагах от него, не более, – ветки едва заметно шевельнулись. Там явно кто-то был! Кто-то огромный...

Торак попытался вздохнуть свободнее, сдержать разбежавшиеся в панике мысли, но разум отказывался ему повиноваться.

Отец всегда внушал ему, что главное в медведе – его способность двигаться совершенно бесшумно. Медведь может следить за тобой, находясь от тебя в десяти шагах, но ты об этом никогда не догадаешься. От медведя нет защиты. Ты не можешь бежать быстрее, чем он. Не можешь взобраться на дерево выше, чем он. В одиночку с ним ни за что не справиться. Но можно, говорил отец, изучить его повадки и попытаться убедить его, что ты для него – не угроза и не добыча.

Торак заставил себя стоять совершенно неподвижно. «Только не беги, – твердил он себе. – Не беги. Возможно, он и не знает, что ты здесь».

Тихий шорох. Снова шевельнулись ветви.

Торак затаил дыхание. И услышал, что жуткая тварь осторожно двинулась в сторону их шалаша. Туда, где отец!

Торак, застыв как изваяние, ждал, когда зверь отойдет подальше. «Трус! – звенело у него в ушах. – Ты дал ему уйти, ты даже не попытался преградить ему

путь и спасти отца!»

«Но разве ты смог бы остановить его?» – возразил в душе какой-то тихий голосок. Видимо, Торак еще не совсем утратил способность мыслить разумно. «Отец знал, что так и будет. Именно поэтому он и послал тебя за водой. Он чувствовал, что медведь близко, что он уже идет за ним...»

– Торак! – донесся до него дикий крик отца. – Беги!

С деревьев разом сорвалось несколько воронов. Чаща наполнилась страшным ревом; рев повторялся, становясь все громче, и Тораку казалось, что от этого рева голова у него раскалывается...

– Отец! – пронзительно вскрикнул он.

– Беги!

И снова Лес содрогнулся. И снова раздался крик отца. И вдруг оборвался...

Торак сунул в рот кулак.

Он видел сквозь деревья, как над развалинами их шалаша мелькнула огромная темная тень.

Потом повернулся и побежал.

Глава 2

С трудом пробившись сквозь заросли ольхи, Торак упал на колени в какой-то болотистой низинке. Над ним шептались встревоженные его стремительным бегством березы, и он молча молил их не выдавать его медведю.

Рваную рану на руке жгло как огнем, да и поврежденные ударом о дерево ребра сильно болели, но передохнуть Торак не посмел. Ведь в Лесу полно глаз. Он только представил себе, как этот медведь гонится за ним, и тут же побежал еще быстрее.

И невольно испугнул молодого кабана, искавшего земляные каштаны. Торак на ходу пробормотал извинения, желая предупредить возможную атаку, и кабан, раздраженно хрюкнув, дал ему пройти.

Росомаха злобно оскалилась, словно приказывая мальчишке держаться подальше, и Торак тоже оскалится в ответ с самым свирепым видом – ведь росомахи понимают только язык угроз. Эта, во всяком случае, действительно решила, что он ей угрожает, и залезла повыше на дерево.

Небо на востоке стало серым, как волчья шкура. Вдали слышалось ворчание грома. На фоне грозовой тучи зелень деревьев казалась совершенно изумрудной. «А в горах-то ливень, – мимоходом подумал Торак. – Надо опасаться оползней и наводнений».

Он заставлял себя думать об этой опасности, чтобы отогнать страх, что владел его душой. Но ничего не помогало; он снова бросился бежать.

Наконец голод вынудил его остановиться. Мешком свалившись на землю у корней большого дуба, он искал узелок с едой – и застонал от огорчения. Еды-то он не захватил! А теперь слишком поздно было вспоминать об аккуратной связке вяленого мяса, забытой им у разоренного шалаша.

«Ну и дурак же ты, Торак! – ругал он себя. – Надо же было натворить столько глупостей в первый же день своей самостоятельной жизни! И своего одиночества...»

Нет! Это просто невозможно! Разве мог отец бросить его? Уйти навсегда?

Торак поднял голову и посмотрел на трепещущую под ветром темно-зеленую листву дуба. Листья шептались о своих тайнах, не желая посвящать в них какого-то мальчишку.

Впервые в жизни Торак остался совершенно один. Он больше не чувствовал себя частью Леса. Ему казалось, будто его внешняя душа разорвала ту нить, что связывала ее с душами всех прочих живых существ: деревьев и птиц, охотников и дичи, реки и скал. Никто во всем свете не знал, что он, Торак, сейчас чувствует. И никто не хотел этого знать.

Боль в раненой руке заставила его отвлечься от горьких мыслей. Из мешочка с целебными травами и кореньями он вытащил последний кусок бересты и наложил на предплечье жесткую повязку. Потом заставил себя встать, оттолкнуться от ствола дуба и оглядеться.

Он вырос в этой части Леса. Здесь ему были знакомы каждый холм, каждая поляна. Чуть западнее, в долине, протекала Красная Вода, слишком мелкая, чтобы плыть по ней на лодке, но ловить в ней рыбу, особенно весной, когда лосось шел в Море на нерест, было одно удовольствие. На восток, вплоть до самой границы с Темной Чашей, простирались залитые солнцем рощи с полянами, где было полно орехов и ягод, а осенью нагуливала жирок дичь. А на юге раскинулись болотистые пустоши, заросшие мхом, где зимой паслись северные олени.

Отец говорил, что самое лучшее в здешних местах – это безлюдье.

Действительно, здесь редко бывали охотники из других племен. Разве что порой забредали люди из племени Ивы, обитавшего на западе, у Моря, или из южного племени Гадюки, но ни те ни другие никогда надолго в их краях не задерживались. Они просто шли своим путем, охотясь свободно, как и все в Лесу, и даже не подозревая, что и Торак с отцом тоже охотятся неподалеку.

До сих пор Торак никогда не задавался вопросом, почему это так. Ведь они так жили всегда: вдвоем с отцом, вдали от других племен. Но теперь, впервые в жизни, ему вдруг страстно захотелось оказаться среди людей. Захотелось крикнуть, позвать на помощь...

Но отец предупредил, что ему следует держаться от людей подальше.

И, кроме того, крики могут привлечь внимание медведя.

Того медведя...

Тораку стало вдруг так страшно, что перехватило горло. Он несколько раз глубоко вздохнул и снова побежал, но теперь более размеренно и спокойно, направляясь к северу.

На бегу он подмечал следы возможной добычи. Вот прошел лось. А это помет зубра. А там сквозь заросли папоротника с шумом продирается олень. Да, пока что медведю не удалось распугать всех обитателей Леса! Но только пока.

А что, если отец ошибался? Вдруг все, что он говорил, было предсмертным бредом?

«Твой отец сумасшедший!» – дразнили Торака ребяташки, когда лет пять назад они с отцом ходили к Морю на ежегодный Совет племен. Ничего хорошего это путешествие им не принесло, и отец больше никогда не брал Торака на такие собрания.

«Говорят, твой отец проглотил одну из душ умершего, – кричали мальчишки, – вот ему и пришлось уйти из племени и перебиваться как может!»

Семилетний Торак страшно разозлился. Он бы точно побил этих мальчишек, но его окликнул проходивший мимо отец и, отведя в сторонку, сказал, смеясь:

– Не обращай на них внимания, Торак. Они и сами не понимают, что говорят.

И он был, конечно, прав.

Но был ли он прав насчет медведя?

Впереди за деревьями Торак заметил поляну, залитую солнечным светом, вышел на нее и замер, точно налетев на невидимую преграду, ошеломленный жутким запахом разложения.

Медведь уже побывал здесь. И на небольшой поляне царил смерть.

Трупы оленей валялись точно поломанные игрушки. Ни один падальщик не осмелился поживиться этой добычей. Над мертвыми животными даже мух не было видно.

Никогда еще Торак не видел, чтобы такой охотник, как медведь, столь безжалостно обошелся со своей добычей. Нормальный медведь сперва сдирает со своей жертвы шкуру, потом пожирает внутренности и заднюю часть туши, а остальное прячет про запас, и у него не пропадает даром ни кусочка. Но этот зверь убивал не потому, что хотел есть: он едва ли хоть раз куснул каждую тушу. Нет, он убивал, потому что ему нравилось убивать.

У ног Торака лежал мертвый олененок; с маленьких копытцев еще не успела осыпаться высохшая речная глина, – видно, перед смертью он подходил к ручью напиться. У Торака тошнота подступила к горлу. Что же это за тварь, если просто так вырезано целое стадо? Что это за медведь, если он убивает потехи ради?

Торак помнил глаза того медведя – он, правда, видел их лишь мельком, но теперь уже никогда не сможет их позабыть. Никогда прежде ему не доводилось видеть таких глаз. В их глубине светилось одно-единственное чувство: бесконечная злоба. Бесконечная ненависть ко всему живому. На Торака тогда точно глянул обжигающий, смертоносный хаос Иного Мира.

Нет, конечно же, отец был прав. Никакой это не медведь. Это злой дух. И он будет убивать и убивать без конца, пока не умрет и сам Лес.

«Но кто же может сразиться с таким чудовищем?» – думал Торак. То и дело спотыкаясь, он старался уйти подальше от страшной поляны. «Этого медведя никому не одолеть!» – так сказал отец. Неужели это значит, что Лес приговорен? И почему именно он, Торак, должен искать Священную Гору, где обитает Великий Дух? А ведь эту Гору никто и никогда не мог отыскать...

И тут же в ушах его прозвучал голос отца: «Тебе поможет провожатый».

Какой провожатый?

Вскоре Торак снова очутился в густой чаще. Он уже снова бежал.

Бежал, бежал... Бежал, пока ноги не отказались служить ему. И там, у подножия какого-то холма, поросшего густым лесом, он ничком рухнул на землю, совершенно лишившись сил и тяжело дыша.

Немного отдышавшись, Торак ощутил невыносимый голод. Он слишком давно ел в последний раз и слишком долго бежал. И почему же он, глупец, не остановился чуть раньше и не подстрелил какую-нибудь дичь?

И тут вдруг до него донеслись из-за холма какие-то звуки – то ли слабое мяуканье, то ли писк.

Торак прислушался: какой-то маленький звереныш явно звал свою мать.

Сердце Торака радостно забилося. О, Великий Дух, благодарю тебя за эту легкую добычу! При мысли о свежем мясе у Торака сводило кишки, и ему было совершенно безразлично, какой зверь попадетсЯ. Он был так голоден, что съел бы даже летучую мышь!

Торак припал к земле и пополз меж берез к вершине холма. Сверху он увидел узкую лощину, по которой бежала маленькая быстрая речушка. Речку он сразу узнал: она называлась Быстрая Вода. Чуть дальше от этих мест, к западу, они с отцом устраивали летом стоянку, заготавливая там лыко для веревок. Но сейчас знакомые места показались Тораку совсем чужими. И он не сразу понял почему.

За день до этого с гор в лощину обрушился поток воды, все смывая на своем пути. Теперь вода уже схлынула, оставив после себя вырванные с корнем кустарники и поваленные деревца, опутанные мокрой травой. Поток разрушил также волчье логово, находившееся на противоположном конце лощины. Там, возле огромного красного валуна, валялись тела двух взрослых волков. Утонувшие волки стали бурыми от воды и грязи и издали напоминали спящего зубра. Рядом в глубокой луже плавали тела трех волчат.

А возле лужи сидел четвертый волчонок и весь дрожал.

Волчонку, похоже, не исполнилось еще и трех месяцев; он был тощенький, мокрый и тихонько жаловался самому себе, слабо повизгивая.

Торак вздрогнул. Эти тихие жалобные звуки вдруг вызвали в его душе удивительные воспоминания: жаркая черная шерсть; теплая тьма; густое жирное молоко; мать, тщательно вылизывающая его... а чьи-то крохотные коготки царапают его, и чьи-то маленькие мокрые носы тычутся в лицо, и

пушистые малыши карабкаются на него, нового и самого младшего члена волчьей семьи...

Это видение было точно яркая вспышка молнии. Но что оно означало?

Мальчик крепче сжал рукоять отцовского ножа.

«Не важно, что означает это видение, – сказал он себе. – Видения не помогут тебе выжить. Если сейчас ты не убьешь и не съешь этого волчонка, завтра у тебя уже не хватит сил охотиться. К тому же закон разрешает убивать даже тотемное животное, чтобы спасти себя от голодной смерти. И тебе это прекрасно известно».

Волчонок поднял голову и растерянно взвыл.

Торак прислушался – и понял, что хотел сказать ему этот малыш!

Он даже представить себе не мог, что способен понимать волчий язык, но оказалось, что память хранит смысл и значение этих пронзительных протяжных звуков. Он вспомнил то, что когда-то знал.

Но откуда? Нет, это невозможно!

Ему стало не по себе, он весь дрожал, слушая вой детеныша. Эти жалобные звуки проникали ему прямо в сердце.

«Почему вы больше со мной не играете? – спрашивал волчонок у своих мертвых родителей и братьев. – Чем я провинился?»

Он все плакал и плакал, а Торак слушал его плач, и что-то пробуждалось в его душе. Вдруг его горло странным образом напряглось, и где-то глубоко в груди зародился ответный клич. Он с трудом подавил желание откинуть голову назад и тоже завывать.

«Что же это со мной?» – думал Торак. Он больше не ощущал себя мальчишкой, человеком из племени Волка, – точнее, он, оставаясь человеком, ощущал себя и кем-то еще: волком.

Торак почувствовал на лице прохладное дыхание ветерка.

И в то же мгновение волчонок перестал выть, резко обернулся и посмотрел в его сторону. Глазенки малыша были еще совершенно бессмысленными, но настороженные ушки стояли торчком, и он тянул носом, явно почуяв человека.

Торак еще некоторое время смотрел на маленького встревоженного волчонка, а потом, скрепя сердце, решительно сжал рукоять ножа и двинулся вниз по склону холма.

Глава 3

Волчонок совершенно не понимал, что происходит.

Он обследовал холм чуть выше их Логова, когда пришла эта Быстрая Вода. Вода нахлынула с ревом и унеслась прочь, и вот теперь его мать, отец и братья лежали в грязи и не обращали на него никакого внимания!

Задолго до рассвета он стал будить их, толкать носом, покусывать за хвост, но они все равно не шевелились. И не издавали ни звука. И пахли они как-то странно: как добыча, но не та, что убегает, а та, которая уже не дышит и которую полагается съесть.

Волчонок промок, замерз и очень хотел есть. Много раз он принимался лизать морду матери, прося ее: пожалуйста, отрыгни мне немножко еды, но мать не обращала на него никакого внимания. Ну что, что он снова сделал не так?

Он знал, что родители считают его самым несносным щенком в выводке. Ему вечно попадало, но он ничего не мог с собой поделаться. Ему ужасно нравилось пробовать все новое. А теперь даже казалось, что родители чуточку несправедливы к нему: вот он сидит перед логовом, как примерный детеныш, и

никто этого даже не замечает!

Мягко ступая широкими лапками, волчонок подбежал к луже, где плавали его братья, и лизнул стоячую воду. Вкус у воды был противный.

Он съел немножко травы и парочку пауков.

Потом задумался: что же делать дальше?

Понемногу ему становилось страшно. И он, закинув голову назад, завыл. Это немного развеселило его: он вспомнил о тех счастливых минутах, когда они так хорошо были все вместе, всей стаей.

Но на середине своей замечательной песни он вдруг умолк, почуяв чужого волка.

Волчонок так резко обернулся, что чуть не упал, – его уже шатало от голода. Поставив уши торчком, он потянул носом воздух. Да, это волк! Было слышно, как этот волк шумно спускается по склону холма с той стороны, откуда пришла Быстрая Вода. Волчонок чуял, что это именно волк, а не волчица, но еще не совсем взрослый, волк-подросток, и не из их стаи.

Но какой-то очень странный. Пахнет вроде бы волком, но и неволком тоже: еще и северным оленем, и благородным оленем, и бобром, и свежей кровью, и... чем-то еще, но этого запаха волчонок пока не знал.

Очень, очень странно. Если только... если только этот неволк на самом деле настоящий волк и просто съел сразу очень много всякой добычи и теперь, конечно же, даст поест и ему, малышу!

Дрожа от нетерпения, волчонок вилял хвостиком и повизгивал.

И тут странный волк вдруг остановился, а потом снова пошел к нему навстречу. Волчонок видел пока не слишком хорошо – зрение его еще не успело стать столь же острым, как нюх и слух, но, увидев, как незнакомец с плеском перебирается через Быструю Воду, он понял, что это действительно очень странный волк.

Волк шел на задних лапах. И черная шерсть у него на голове была такой длинной, что падала на плечи. Но самое удивительное – у него не было хвоста!

И все же голос у него был как у волка. Он тихо и дружелюбно проворчал с подвывом примерно следующее: «Не бойся, я – друг». Это обнадеживало, хотя самые высокие ноты этому волку явно не давались.

Но что-то в нем было не так! Даже его дружелюбное ворчание не могло скрыть затаенную напряженность. И казалось, что, хоть этот странный волк и улыбается, на самом деле улыбаться ему совсем не хочется.

Радостные приветствия волчонка сменились растерянным хныканьем:

«Ты что же, охотишься на меня? Но почему?»

«Нет, нет», – услышал он в ответ все то же дружелюбное ворчание.

А потом странный волк вдруг перестал разговаривать с ним по-волчьи и молча двинулся прямо на него.

Волчонок, слишком ослабевший, чтобы убежать, испуганно попятился.

Странный волк прыгнул, схватил его за шкурку и поднял высоко над землей.

Вися в воздухе, волчонок все же слабо и заискивающе повилял хвостиком.

А странный волк вдруг замахнулся своей второй передней лапой и больно кольнул волчонка в живот огромным и блестящим холодным когтем.

Волчонок пискнул, оскалился от ужаса и испуганно поджал хвост.

Но и странный волк, казалось, тоже испугался. Его передние лапы задрожали; он тяжело дышал и скалил зубы. И волчонок почувал, что и этого волка одолевают одиночество, нерешительность и боль.

Внезапно он судорожно вздохнул и резко отнял свой большой коготь от живота волчонка. А потом плюхнулся прямо в грязь и прижал малыша к груди.

Волчонок тут же позабыл о своих страхах. Под странной, лишенной шерсти шкурой, пахнувшей больше неволком, чем волком, он слышал знакомый успокоительный стук – точно такой же, какой доносился из груди отца, когда волчонок забирался на него, намереваясь соснуть.

Волчонок выскользнул из объятий странного волка, встал на задние лапы, положив передние ему на грудь, и принялся вылизывать его морду.

Странный волк сердито оттолкнул волчонка и упал на спину. Но волчонок не испугался, а сел рядышком и стал на него смотреть.

«Какая все-таки у него странная плоская морда! – думал волчонок. – И совсем без шерсти! И губы не черные, как полагается, а какие-то бледные; и уши тоже бледные и совсем не двигаются. Зато глаза серебристо-серые, полные света: глаза настоящего волка».

Волчонок впервые с тех пор, как пришла Быстрая Вода, почувствовал себя значительно лучше. Он нашел себе нового брата.

Торак был страшно зол на самого себя. Ну почему он не убил этого волчонка? Что он теперь будет есть?

Волчонок слегка подтолкнул его носом в бок, и он даже вскрикнул от боли в израненных ребрах.

– Убирайся! – заорал Торак и ногой отпихнул волчонка. – Ты мне не нужен! Понял? Какой мне от тебя прок? Уходи!

Он и не подумал говорить это по-волчьи; он уже догадался, что как следует говорить на этом языке не умеет и знает лишь несколько самых простых движений да кое-какие интонации. Однако волчонок отлично его понял. Он отбежал в сторону, потом снова сел и с надеждой посмотрел на него, метя по земле хвостом.

Торак поднялся, и от голода все так и поплыло у него перед глазами. Если в самое ближайшее время он не найдет никакой пищи, ему конец.

Он порыскал было по берегу реки, но там были только волчьи трупы, и они уже так сильно воняли, что даже думать о них было противно. Торака охватило отчаяние. Солнце уже садилось. Как же поступить? Устроиться на ночлег прямо здесь? А если медведь? Что, если тот медведь, покончив с отцом, теперь придет за ним?

Почувствовав болезненный укол в сердце, он велел себе: «Не смей думать об отце! Думай о том, как быть дальше. Если бы медведь вздумал преследовать тебя, он давно уже был бы здесь. Так что, возможно, здесь тебе ничто не угрожает. По крайней мере, до завтрашнего утра».

Туши волков были слишком тяжелы, чтобы Торак мог оттащить их подальше, и он решил устроиться чуть выше по течению реки. Но сперва решил попробовать мясо одного из мертвых волков для наживки – вдруг в ловушку кто-нибудь попадется?

Поставить ловушку оказалось не так-то просто: нужно было подпереть палкой большой плоский камень, а вторую палку укрепить так, чтобы она сработала как спусковой механизм. Если ему повезет, ночью сюда может прийти лисица, привлеченная запахом падали, и, когда она попробует стащить мясо, ее пришибет камнем. Лисье мясо – еда, правда, так себе, но это все же лучше, чем ничего.

Торак как раз закончил устанавливать ловушку, когда к нему подбежал волчонок и принялся с любопытством обнюхивать устройство. Торак схватил его за мордочку и несколько раз ткнул волчонка носом в землю, приговаривая:

– Нельзя! Никогда не подходи к этому!

Волчонок отряхнулся и с обиженным видом отошел в сторону.

«Ну и пусть обижается, – подумал Торак. – Обида все-таки лучше, чем смерть».

Он понимал, что был несправедлив: для начала, конечно, следовало рычанием предупредить малыша, чтобы тот держался от ловушки подальше, а носом в землю тыкать надо, только если он не послушается. Но Торак слишком устал, чтобы тревожиться о таких пустяках.

Да и с какой стати он вообще должен предупреждать этого волчонка? Неужели он станет переживать, если волчонок попадет ночью в ловушку и камень разmozжит ему голову? И какая разница, умеет он, Торак, говорить по-волчьи или не умеет? А если даже и умеет, то какая ему от этого польза?

Он встал, чувствуя, что ноги прямо-таки подгибаются от слабости. «Забудь ты об этом волчонке! Лучше найди что съесть!» – внушал он себе.

Торак с трудом поднялся по склону холма чуть выше большого красного валуна и стал искать там морошку. И только тогда сообразил, что морошка растет на пустошах и болотах, а не в березовой роще, да еще и на холме. Впрочем, сейчас все равно было уже слишком поздно для морошки.

Зато он заметил, что в нескольких местах земля под деревьями прямо-таки покрыта глухаринным пометом, и поставил в этих местах несколько силков, наскоро сплетенных из травы: две штуки почти на земле и две на одной из нижних ветвей – на таких ветвях глухари любят сидеть. Он постарался как можно лучше замаскировать свои силки листьями и травой, чтобы птицы их не заметили, и снова вернулся к реке.

К сожалению, руки у него слишком дрожали, чтобы пытаться ловить рыбу с помощью остроги. Торак решил просто закинуть в реку несколько лесок с привязанными к ним крючками из шипов ежевики и камешками в качестве грузил, а потом двинулся вдоль берега вверх по течению, надеясь найти хоть какие-нибудь ягоды или коренья. Какое-то время волчонок следовал за ним, потом сел и стал жалобно пищать, прося его вернуться. Малыш явно не хотел покидать свою стаю.

«Вот и хорошо, – подумал Торак. – Сиди лучше туг. Я совсем не хочу, чтобы ты таскался за мной по пятам».

Пока он искал пропитание, солнце почти совсем село. Воздух стал холодным. На куртке мелкими блестящими капельками выступило дыхание Леса. На минуту

Тораку пришла в голову не слишком отчетливая мысль о том, что следовало бы построить какое-то убежище на ночь, а не искать ягоды, но он эту мысль прогнал.

Наконец Тораку удалось найти горстку ягод вороники, и он проглотил их одним глотком. Потом собрал немного перезрелых ягод ежевики, отыскал под камнями несколько улиток, а под деревьями – выводок желтоватых поддубовиков; грибы, правда, оказались немного червивыми, но не слишком.

Уже почти в сумерках ему повезло: отыскал ростки земляных каштанов. Острой палкой он принялся осторожно рыхлить землю вокруг стеблей, добираясь до небольших клубеньков. Откопав первый, он тут же сунул его в рот: вкус был восхитительный, сладкий, похожий на вкус лесного ореха, но этого клубня ему хватило едва на один глоток. Он снова принялся копать землю и отыскал еще четыре клубенька – два съел, а два отложил на потом.

Теперь, когда в желудке уже не было так пусто, силы стали понемногу к нему возвращаться, но мысли по-прежнему путались. «Что же мне все-таки делать дальше? – тщетно пытался решить он. – И почему мне так трудно думать?»

Убежище. Вот что нужно. И костер. А потом – поспать.

Волчонок ждал его на поляне. Дрожа и повизгивая от радости, он бросился к нему с широкой волчьей улыбкой, то есть не просто сморщил и приподнял над зубами верхнюю губу, а улыбался, казалось, всем телом. Он прижал ушки, склонил набок голову, что было сил махал хвостом, переступал передними лапками, даже подпрыгнул и перевернулся в воздухе.

У Торака от всех этих выкрутасов замелькало в глазах, и он отвернулся. А кроме того, ему нужно было построить хоть какое-то убежище.

Он огляделся в поисках валежника, но все сухие ветви унесло потоком. Торака даже выругался: теперь придется срубить несколько молодых побегов, если, конечно, сил хватит.

Вытащив из-за пояса топор, он подошел к молодым березкам и взялся за самую тонкую. Скороговоркой пробормотав предупреждение духу дерева и посоветовав ему как можно скорее отыскать себе другое жилище, он принялся

рубить березку.

Казалось, он попал в какой-то бесконечный темный туннель, которому не будет конца. Казалось, он всю жизнь только тем и занимается, что рубит деревья и обрубают с них сучья. Казалось, сил не хватает, даже чтобы держать в руках топор. Торак с ужасом видел, что срубил всего лишь две тощенькие березки и еще какую-то совсем уж жалкую елку.

Но этим пришлось и ограничиться.

Он кое-как скрепил стволы березок расщепленным еловым корнем, создав некое подобие основы для низенького шалаша, и набросал сверху еловых ветвей, а из нескольких еловых лап устроил себе подстилку.

Получилось плоховато, но он решил, что сойдет. У него уже не было сил делать шалашу вторую крышу из веток лиственных пород на случай дождя. Если все-таки пойдет дождь, ему придется надеяться только на свой спальный мешок и молить духа реки не посылать нового наводнения: оказалось, что шалаш Торак построил чересчур близко к реке.

Сунув в рот еще один земляной каштан, он осмотрел полянку в поисках топлива для костра. Однако не успел он проглотить разжеванный клубень, как желудок свело судорогой и его стошнило.

Волчонок, взвизгнув от восторга, тут же проглотил исторгнутый Торакком комок пищи.

«Почему это меня вдруг вырвало? – удивился Торак. – Неужели я съел плохой гриб?»

Нет, ничего похожего на отравление грибами он не чувствовал. Это явно было что-то другое. Он весь взмок, его бил озноб, и тошнота все не проходила, хотя в желудке у него теперь опять было совсем пусто.

И вдруг в душу ему закралось ужасное подозрение. Он снял повязку с раненой руки, и смертельный страх холодными пальцами пополз по спине. Рана сильно

распухла; вокруг нее все было ярко-красным, и пахло от нее плохо. И даже на расстоянии чувствовался исходящий от нее жар. Он слегка коснулся руки, и его прямо-таки обожгло болью.

Рыдание вырвалось у него из груди. Он был измучен, голоден, испуган, и ему отчаянно необходимо было присутствие отца. Ведь теперь у него появился новый страшный враг: лихорадка.

Глава 4

Тораку просто необходимо было разжечь костер. Иначе ему ни за что не победить в сражении с лихорадкой, а ведь на кон поставлена сама его жизнь.

Он вынул труть, но руки тряслись, он то и дело ронял кремни и никак не мог высечь искру. Он чуть ли не рычал от огорчения, когда ему наконец удалось все-таки поджечь крошечную горстку припасенного трута из бересты.

Когда костер разгорелся как следует, Торака охватил такой озноб, что жара огня он почти не чувствовал. И звуки вокруг стали вдруг какими-то неестественно громкими: журчание речки, уханье совы, голодное повизгивание этого надоедливого волчонка. Интересно, почему он никак не уходит? Оставил бы наконец его в покое!

Спотыкаясь, Торака побрел к реке: ему хотелось пить. К счастью, он вовремя вспомнил предостережение отца: никогда не наклоняйся над водой слишком низко! А когда болен, никогда не смотри на отражение в воде своей телесной души. Если ты его увидишь, у тебя так сильно закружится голова, что ты непременно упадешь в воду и утонешь.

Он вволю напился, не открывая глаз, с трудом поднялся и потащился назад, к своему убежищу. Он прямо-таки падал от усталости, но понимал: прежде чем ложиться спать, нужно посмотреть, что там с рукой, иначе вряд ли он доживет

до утра.

Из мешочка с целебными травами и кореньями Торак извлек кусочек сухой ивовой коры и старательно его разжевал, давясь горьким соком. Получившуюся кашичку размазал по ране и снова уложил руку в берестяной лубок. Больно было так, что он чуть не потерял сознание. Сил хватило только на то, чтобы сбросить башмаки и заползти в спальный мешок. Волчонок попытался тоже туда забраться, но Торак его прогнал.

И, стуча зубами в ознобе, стал тупо смотреть, как волчонок сперва подбежал к костру, с любопытством глядя на огонь, потом протянул широкую серую лапку, осторожно потрогал пламя и тут же с возмущенным визгом отскочил.

– Ничего, это тебе урок, – пробормотал Торак.

Волчонок с негодованием отряхнулся и ушел куда-то во тьму.

Торак свернулся в клубок, баюкая раненую руку и с горечью думая о том, как отвратительно все складывается.

В Лесу они жили с отцом всегда. Устраивали где-нибудь стоянку, ночевали там одну-две ночи и отправлялись дальше. Торак хорошо знал правила жизни в Лесу. Никогда не скупись, если строишь себе жилище. Никогда не трать больше сил, чем это необходимо, когда добываешь пищу. Никогда не откладывай надолго строительство жилища.

И вот в первый же день своей самостоятельной жизни он нарушил все правила сразу! Ему стало страшно – это все равно как если бы он вдруг разучился ходить.

Здоровой рукой Торак коснулся знаков своего племени, вытатуированных на скулах, осторожно провел пальцем по тонким линиям. Татуировку нанес ему отец. Когда Тораку исполнилось семь лет, отец наколол ему на коже рисунок и втер в него сок голубики. «Ты не достоин этих племенных знаков! – ругал себя Торак. – И сам будешь виноват в собственной гибели, глупец!»

И опять ощутил уже знакомый укол в сердце. Еще никогда в жизни он не ночевал в одиночестве. Всегда с отцом. Впервые отец не коснулся его перед

сном своей загрубелой, но такой нежной рукой. Впервые он не чувствовал рядом знакомого запаха Леса, оленьей кожи и пота...

Глаза как-то подозрительно щипало. Торак крепко зажмурился и сам не заметил, как соскользнул в болезненный сон.

Он бродил где-то, по колени утопая во мху и пытаясь уйти от медведя. В ушах звучали предсмертные крики отца. Но теперь медведь охотился уже на Торака.

Торак пытался бежать, но лишь глубже проваливался в густой мох. Казалось, этот мох, точно трясина, засасывает его... а отец все кричал...

Медведь был уже рядом; его глаза горели смертоносным огнем – огнем Иного Мира, мира злых духов. Поднявшись на дыбы, он казался невообразимо огромным и грозным. Разверзлась страшная пасть, и медведь с ненавистью зарычал, обратив морду к луне...

Торак закричал и проснулся.

По Лесу все еще разносилось эхо страшного медвежьего рыка. Значит, это был не сон! Значит, медведь действительно где-то поблизости!

Торак затаил дыхание. Сквозь крышу своего жалкого шалаша он видел голубоватый свет луны и костер, который почти догорел. Сердце бешено стучало в груди.

И снова Лес содрогнулся. Деревья, казалось, застыли и напряженно прислушиваются. Но на этот раз рев доносился издалека; до тех мест, прикинул Торак, наверное, не один день пути. Медленно, осторожно он перевел дыхание.

У входа в шалаш сидел волчонок и смотрел на него. Узкие глаза волчонка светились странным темно-золотистым светом. «Как янтарь», – подумал Торак, вспомнив тот маленький амулет в виде тюленя, который отец носил на шее.

Как ни странно, но при виде этих янтарных глаз он приободрился. По крайней мере, он был в Лесу не один.

Но когда он перестал слышать только стук собственного сердца, лихорадка снова навалилась на него тяжелой волной. Ему казалось, что кожа у него стала ломкой от жара, а череп вот-вот треснет. Торак попытался достать из мешочка еще кусочек ивовой коры, но нечаянно уронил мешочек и не смог отыскать его в темноте. С трудом поднявшись, он оттащил к костру еще одну валежину и снова лег, задыхаясь от слабости.

В ушах по-прежнему звучал жуткий рев. Где же сейчас этот медведь? Откуда он вообще явился в их Лес? И куда направляется? Та поляна с мертвыми оленями значительно севернее ручья, где медведь напал на них и убил отца, но теперь, похоже, зверь ушел дальше на запад. Пойдет ли он в том же направлении? Или, учуяв запах Торака, уже повернул назад? Сколько времени ему нужно, чтобы добраться сюда и найти его – беспомощно валяющегося на земле и совершенно больного?

И вдруг такой знакомый спокойный голос, словно отец снова был рядом с ним, шепнул ему: «Не бойся. Если медведь действительно подойдет близко, волчонок успеет предупредить тебя. Запомни, Торак: нюх у волка такой острый, что он может почуять даже дыхание рыбы. А слышит он так хорошо, что расслышит и движение облаков».

«Да, – подумал Торак, – волчонок предупредит меня. Это все-таки уже кое-что. Я хочу умереть с открытыми глазами и встретить смерть лицом к лицу, как мужчина. Как мой отец».

Где-то очень далеко раздался лай собаки. Не волка – собаки!

Торак нахмурился. Собаки означали присутствие людей, а в этой части Леса никаких людей быть не должно.

Ведь не должно, правда?

И тут он снова провалился во тьму – прямо к медведю в когти.

Близилась ночь, когда Торак наконец проснулся. Он проспал почти целые сутки.

Его одолевала страшная слабость, и ужасно хотелось пить. Зато раненая рука стала гораздо холоднее и уже не так сильно болела. Жар тоже спал.

Но волчонок исчез.

Торак с изумлением заметил, что ему это небезразлично, что он, пожалуй, даже беспокоится, не случилось ли с волчонок чего. «Да ладно, – решил он. – Что мне какой-то волчонок!»

Пошатываясь, он добрал до реки и напился, потом снова раздул костер и подбросил в него топлива. На это он потратил все свои силы, так что пришлось передохнуть и съесть последний земляной каштан, закусив его горсткой щавеля. Щавель был жесткий и очень кислый, но Торак почувствовал, что сил у него прибавилось.

А волчонок все не появлялся.

Торак подумал даже, не позвать ли звереныша волчьим воем. Но ведь если он откликнется и придет, то, конечно же, сразу попросит есть. И, кроме того, вой может привлечь внимание медведя. Так что выть Торак не стал, а натянул башмаки и пошел проверить свои ловушки.

Закинутые им лески с крючками были пусты; лишь на одном крючке болтался начисто обглоданный скелет маленького окуня. А вот с силками Тораку повезло больше: в один из них попался небольшой глухарь, который еще слабо трепыхался. Мясо!

Бормоча слова благодарности духу несчастного глухаря, Торак свернул птице шею, выпотрошил ее и мгновенно проглотил еще теплую печенку. Печенка оказалась довольно противной, горькой и скользкой, но он слишком изголодался, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Почувствовав себя несколько увереннее, он привязал глухаря к поясу и пошел проверить ловушку из палок и камня.

Он испытал неожиданное облегчение, когда увидел волчонка. В ловушку тот не попался, а сидел возле мертвой матери, время от времени трогая ее лапкой. При виде Торака волчонок бросился к нему, оглядываясь на мертвую волчицу и возмущенно повизгивая. Он хотел, чтобы Торак объяснил ему, в чем дело.

Торак вздохнул. Разве он может объяснить, отчего приходит смерть, если и сам этого не понимает?

- Ну, пошли, - сказал он, не подумав, что говорит не по-волчьи.

Волчонок насторожил уши, пытаясь понять.

- Тут нам делать нечего, - нетерпеливо прибавил Торак. - Пошли.

Вернувшись к шалашу, он ощипал глухаря, надел его на палку и пристроил над костром. Волчонок то и дело пытался его достать.

Наконец Тораку это надоело; он ткнул волчонка носом в землю и прорычал:

«Не смей! Это мое!»

Волчонок покорно лег возле него, слегка повиливая хвостом, а когда Торак отпустил его морду, перевернулся на спину, показывая свое светлое пушистое брюхо и заискивающе улыбаясь - словно просил прощения. Потом он отполз на безопасное расстояние, из вежливости пригибая голову к земле и все еще виляя хвостом.

Торак кивнул: он был удовлетворен преподанным уроком. Этот волчонок должен усвоить: вожак в стае - он, Торак, иначе в будущем не оберешься неприятностей.

«В каком еще будущем?» - вдруг сердито нахмурился он. В его будущем никакого волчонка быть не должно!

Но запах жарящегося мяса отогнал прочь все мысли. В костер с шипением капал жир. Торак сглотнул слюну. Он быстро оторвал глухариную ножку, сунул ее в развилку березы в качестве подношения хранителю своего племени и принялся за еду.

Вкуснее он ничего в жизни не пробовал. Он тщательно разжевывал каждый кусочек мяса, обсасывал каждую косточку, хрустел поджаристой корочкой. И старался не смотреть в ту сторону, откуда за каждым кусочком, исчезавшим у него во рту, следили два больших янтарных глаза.

Наевшись, Торак вытер рот тыльной стороной ладони. Волчонок по-прежнему не сводил с него глаз.

Торак тяжело вздохнул и буркнул:

– Ну ладно, ладно.

Оторвав вторую глухариную ногу, он швырнул ее волчонку.

Ножка исчезла в зубастой пасти в мгновение ока, и волчонок снова с надеждой посмотрел на Торака.

– Больше у меня нет, – сказал тот.

Волчонок нетерпеливо взвизгнул и уставился на кости, которые Торак держал в руках.

Кости были почти дочиста обглоданы, но из них еще вполне можно было сделать, например, иглы для шитья или рыболовные крючки; из них можно было бы даже сварить похлебку, хотя у него ведь все равно нет посуды для варки...

Чувствуя, что это ему еще, возможно, аукнется, Торак отломил половину обглоданного птичьего скелета и кинул волчонку.

Тот быстро раздробил косточки своими мощными челюстями, проглотил их и, свернувшись клубком, тут же уснул, превратившись в уютный посапывающий комочек теплой серой шерсти.

Тораку тоже очень хотелось спать, но он понимал, что этого делать нельзя. Когда спустилась ночь, принесся с собой холод, он сидел, глядя в огонь. Теперь, когда ему удалось сбить жар и хорошенько поесть, наконец-то можно было как следует раскинуть мозгами.

Перед глазами у него стояла поляна с мертвыми оленями и страшные глаза медведя, одержимого злым духом. Да, отец так и сказал: «В этого медведя вселился какой-то злой дух из Иного Мира; из-за него этот зверь стал таким злобным».

Но что это такое – злой дух?

Этого Торака не знал. Он довольно много знал об охотниках и дичи: о рысях и росомахах, о зубрах и об оленях, но с другими обитателями Леса был почти не знаком.

Он знал только, что хранители разных племен стерегут людские стоянки, а души людей, утратившие свое тело, обречены стонать ненастными ночами среди ветвей и вечно искать свое племя, с которым расстались навсегда. Он знал, что злые духи ненавидят все живое и порой, когда им удастся вырваться из Иного Мира и подняться над землей, они приносят в мир живых всякие беды и болезни. Он знал, что Тайный Народ живет внутри скал и рек точно так же, как племена людей – в своих жилищах, и что представители Тайного Народа кажутся прекрасными, пока не повернутся к тебе спиной, и тогда становится видно, что внутри они полые, точно ствол гнилого дерева.

Что же касается Великого Духа, правящего всем миром, который посылает и дождь, и снег, и добычу, то о нем Торака знал меньше всего. А до сих пор он даже и не думал о нем. Он казался ему слишком далеким, этот невероятно могущественный Дух, которого никто никогда не видел, но который, говорят, летом появляется порой в обличье человека с оленьими рогами, а зимой – в обличье женщины, у которой вместо волос на голове растут голые красные ивовые ветки. Короче, Великий Всемирный Дух принадлежал к тем вещам, в которых Торака совершенно не разбирался.

Он уронил голову на колени, вспоминая о клятве, данной отцу; это обещание давило на него тяжким бременем.

Спавший поодаль волчонок вдруг вскочил, негромко и напряженно ворча.

Торак тоже вскочил.

Взгляд волчонка был устремлен куда-то во тьму, уши стояли торчком, шерсть на загривке вздыбилась. Потом он умолк, прыгнул в сторону Леса и исчез.

Торак замер, сжимая в руке отцовский нож. Он чувствовал, что деревья вокруг с интересом наблюдают за ним. Было слышно, как они перешептываются.

Где-то неподалеку запела свою жалобную вечернюю песню малиновка. Из темноты вновь вынырнул волчонок – шерсть на загривке улеглась, морда спокойная, улыбчивая.

Торак чуть ослабил хватку на рукояти ножа. Что бы там ни было, оно либо ушло, либо более не представляет для них угрозы. Если бы это был медведь, малиновка, конечно, молчала бы. Уж это-то Торак знал отлично.

Почувствовав некоторое облегчение, он снова сел.

«Ты должен отыскать Священную Гору до следующего полнолуния», – сказал он себе. Так велел отец. «Ты же знаешь: ночи, когда красный глаз бывает в зените, страшнее всего... – говорил он. – Тогда злые духи обретают наибольшую силу».

«Да, это я действительно знаю, – подумал Торак. – Я знаю о красном глазе. Я его видел».

Каждую осень Великий Зубр – самый могущественный из духов Иного Мира – выходит в наш мир и поднимается в ночное небо. Сперва голова его опущена, он роет копытом землю, и мы можем разглядеть лишь звездное сияние его плеча. Но с приходом зимы Великий Зубр поднимает голову, становится все сильнее, и тогда уже можно увидеть его сверкающие рога и налитый кровью красный глаз.

А в месяц Красной Ивы он становится совсем огромным, и к этому времени зло обретает наибольшую силу. Именно тогда в наш мир устремляются злые духи. Именно тогда тот медведь и станет неуязвимым.

Сквозь ветви деревьев на Торака холодно смотрели мерцающие звезды. У восточного края неба, прямо над далеким черным массивом Высоких Гор, виднелось отливающее серебром плечо Великого Зубра.

Теперь подходил к концу месяц Ревущих Оленей. В следующем месяце, месяце Терна, на небе будет виден и красный глаз; с этого времени сила медведя начнет неумолимо расти. А к концу месяца Красной Ивы он будет сильнее всего...

«Ступай на север, – велел Тораку отец. – Идти придется много дней».

Тораку совсем не хотелось идти на север. Это означало, что придется покинуть знакомую часть Леса, пересечь границы неизведанных краев. И все же... отец верил, что Торака хотя бы попытается использовать эту последнюю возможность спасти Лес и все живое в нем, иначе не заставил бы его дать клятву.

Торака палкой помешал угли в костре.

Он знал, что Высокие Горы находятся далеко на востоке, за Темной Чашей; что они огромной дугой протянулись с севера на юг, возвышаясь над краем Леса точно хребет гигантского кита. Говорят, что Великий Дух обитает на самой северной из этих вершин, в самом конце хребта. Но никто никогда к той вершине даже не приближался: Великий Дух не любит, когда вторгаются в его владения, и всегда заставляет незваных гостей отступить, насылая на них снежные бури, камнепады и лавины.

Убегая от медведя, Торака тоже двигался на север, но пока что ему было ясно одно: он всего лишь находится на одной прямой с южной оконечностью Высоких Гор, до которых отсюда отнюдь не близко. И как ему преодолеть такой дальний путь в одиночку, он понятия не имел. Он все еще чувствовал слабость после приступа лихорадки и пока был явно не готов пускаться в подобное путешествие.

«Ну так и подожди немного, – сказал он себе. – Не совершай во второй раз ту же ошибку: не расходуй силы зря из-за того, что по собственной глупости впал в панику. Спокойно проживи здесь день или два. Наберись сил, а уж потом выходи в путь».

Приняв решение, Торак почувствовал себя несколько увереннее. Он еще подбросил топлива в костер и, к своему удивлению, заметил, что волчонок наблюдает за ним спокойными и совсем не детскими глазами. Глазами взрослого волка.

И снова Торак словно услышал голос отца: «Глаза волка не похожи на глаза других зверей; скорее они похожи на человеческие. Волки – наши ближайшие братья, Торак, это заметно и по их глазам, только у них глаза золотистые, а у нас – серые. Но волки этого не видят, потому что их мир не имеет красок. Там все серебристо-серое».

Торак тогда спросил у отца, откуда ему это известно, но отец только улыбнулся и, покачивая головой, пообещал все объяснить, когда Торак станет постарше. Вообще он очень многое собирался объяснить ему впоследствии, да только теперь...

Торак нахмурился и потер лицо руками.

Волчонок по-прежнему не сводил с него глаз.

В нем уже появилось что-то от красоты взрослого волка: узкая светло-серая морда, стоячие серебристые уши с черными кончиками, изящный черный ободок вокруг больших прекрасных глаз...

Да, глаза у него действительно были прекрасные – ясные, как солнечный зайчик в воде родника...

И вдруг у Торака возникло странное чувство, будто волчонок знает, о чем он, Торак, думает!

«Более всех прочих лесных охотников, – вновь услышал он тихий голос отца, – волки похожи на нас. Они тоже охотятся стаями. Они тоже любят поговорить и поиграть друг с другом. Они преданно любят своих подруг и детей. И каждый волк изо всех сил трудится во благо своей стаи».

От волнения Торак сел прямо, готовый в любую минуту вскочить. Интересно, что отец пытался сказать ему?

«Тебе поможет... провожатый».

Неужели этот волчонок и есть тот самый провожатый?

Торак решил это проверить. Он откашлялся и встал на четвереньки. Он не знал, как сказать по-волчьи «гора», и решил поступить так: показать это движением головы и попытаться спросить с помощью низкого настойчивого воя и потягивания, ибо короткий лай – это тоже часть волчьей речи, знает ли волчонок дорогу к Священной Горе.

Волчонок насторожил уши, внимательно посмотрел на Торака и вежливо отвел глаза, ведь если волк, разговаривая с тобой, слишком пристально смотрит тебе в глаза, это означает угрозу. Потом встал, потянулся и лениво вильнул хвостом.

Ни одно из этих движений не свидетельствовало о том, что волчонок понял вопрос Торака. Да и выглядел он опять как самый обыкновенный детеныш.

А что, если он все-таки понял?

Ведь не померещился же Тораку тот его внимательный, «взрослый» взгляд?

Глава 6

Свет уже много раз сменил Тьму с тех пор, как у волчонка появился Большой Бесхвостый Брат.

Сперва Бесхвостый только и делал, что спал, но теперь становился все больше похож на обычного волка. Когда ему было грустно, он молчал. И рычал, когда сердился. А еще он очень любил играть с привязанным к плетеному шнурку кусочком кожи, и, если волчонок бросался на этот клочок кожи, Бесхвостый катался по земле, как-то странно дышал, будто ему не хватало воздуха, и попискивал. «Наверное, – думал волчонок, – это он так веселится».

Иногда Бесхвостый и волчонок вместе выли, изливая в этой песне свою любовь к Лесу. Вой у Бесхвостого был грубоватый, не слишком музыкальный, но полный чувства.

Да и говорил он примерно так же: грубо, но выразительно. Хвоста у него не было, так что с его помощью он свои чувства выражать не мог; не умел он также ни ставить уши торчком, ни вздыбливать шерсть на загривке, ни брать особенно высокие ноты волчьей песни. Но в целом понять его речь было можно.

Короче, во многих отношениях он вел себя как самый обыкновенный волк.

И все-таки что-то в нем было не то. Бедняга Бесхвостый почти ничего не чуял, да и слышал тоже совсем плохо, а когда приходила Тьма, он очень любил сидеть и смотреть на того Яркого Зверя, Который Больно Кусается. А иногда он СБРАСЫВАЛ задние лапы! И один раз – вот ужас-то! – снял с себя всю шкуру целиком! Но самое странное – он прямо-таки без конца спал! Он, похоже, понятия не имел о том, что волку полагается спать урывками, все время просыпаясь, разминая мускулы и поглядывая по сторонам, чтобы быть готовым к любой неожиданности.

Волчонок пытался научить Большого Бесхвостого просыпаться гораздо чаще и будил его, толкая носом и покусывая за уши. Но тот вместо благодарности начинал ужасно злиться. В конце концов волчонок решил оставить его в покое. И в следующий раз, когда Свет в очередной раз сменил Тьму, Бесхвостый, проспав все, что можно, встал в исключительно дурном настроении. Ну а чего же он хотел? Он ведь не позволил своему меньшому брату разбудить его вовремя, верно?

Хотя вот сегодня, например, Бесхвостый проснулся еще до рассвета, и настроение у него было совсем иное. Волчонок отлично чувствовал, как напряжен его Большой Брат.

Он с любопытством смотрел, как Бесхвостый идет по тропе, проложенной волчьей стаей, к Быстрой Воде. Никак на охоту собрался?

Волчонок пошел было за Бесхвостым, но потом, тихонько взвизгнув, попросил его остановиться. Потому что это явно была не охота. И Бесхвостый шел совсем

не туда, куда нужно.

Дело даже не в том, что он пошел вдоль Быстрой Воды, которую волчонок теперь ненавидел и боялся больше всего на свете. Нет, он просто выбрал не то направление. Правильным для него было направление в сторону холма и дальше, за него, все дальше и дальше, пока Свет много-много раз не сменит Тьму.

Волчонок не понимал, откуда ему это известно, но он нутром чувствовал, что прав: это было какое-то неуловимое глубинное чувство, похожее на Зов Логова. Когда волчонок уходил слишком далеко от родного Логова, он всегда чувствовал его тягу. Вот и сейчас возникло нечто подобное, только слабее, словно то, что вызывало эту тягу, находится где-то далеко-далеко.

А Бесхвостый, уйдя вперед, ни о чем даже не подозревал!

Волчонок тихо предупреждающе фыркнул: «Уфф!» – в точности как мать, когда хотела, чтобы они немедленно вернулись к Логову.

Бесхвостый резко обернулся и что-то спросил на своем языке. Звучало это примерно так: «Вчемдел?»

«Уфф!» – снова сердито фыркнул волчонок. И, подбежав к подножию холма, стал смотреть в правильном направлении. «Сюда. Не туда, а сюда!»

Бесхвостый нетерпеливо повторил свой вопрос. И волчонок решил подождать: пусть Большой Брат сам догадается.

И действительно: Бесхвостый постоял, почесал в затылке, еще что-то сказал на своем непонятном языке, потом развернулся и пошел туда, куда указывал волчонок.

Торак внимательно следил за своим Волком.

Уши звереныша были напряжены, черный нос шевелился, как живой. Торак проследил за его взглядом, но ничего не смог разглядеть за спутанными ветками орешника и зарослями кипрея. Однако он знал, что олень там, – потому

что это знал Волк, а Торак уже научился ему доверять.

Волк глянул на Торака, но лишь мельком; янтарные глаза вежливо скользнули по лицу мальчика и тут же опять вернулись к созерцанию Леса.

Торак молча отломил верхушку отцветшего кипрея и ногтем большого пальца распотрошил сухие соцветия, выпуская семена на волю. Сразу стало ясно, что ветер по-прежнему дует в их сторону и олень их не учует. Ну и естественно, Торак, отправляясь на охоту, натер кожу древесной золой.

Он бесшумно извлек из колчана стрелу и вложил ее в лук. Собственно, это был даже не настоящий олень, а всего лишь самец косули, животное небольшое, однако, если его все же удастся убить, для Торака это будет первая в жизни самостоятельная добыча. Ему очень нужна была еда, а дичь, как ни странно, попадалась значительно реже, чем должно было бы быть в это время года.

Волчонок опустил голову и прижался к земле.

Торак тоже.

И оба одновременно поползли вперед.

Этого оленя они выслеживали весь день. Весь день Торак замечал его следы – отломанные или откусанные веточки, отпечатки копыт – и все пытался угадать, что чувствует его жертва, что она сделает в следующий момент.

«Чтобы выследить зверя, – говорил ему отец, – нужно сперва научиться понимать его так, как если бы он был твоим братом. Нужно знать, что он ест и когда; какое место выбирает для отдыха; быстро ли передвигается по Лесу». Уроки отца не прошли даром. Торак хорошо умел выслеживать зверя. Он знал, что нужно часто останавливаться и слушать, открывая душу тому, что говорит тебе Лес...

И теперь Торак отлично понимал, что самец косули начинает уставать. Если в начале дня отпечатки его копыт были глубокими и чуть скошенными, как бы вывернутыми наружу, а значит, он все время бежал галопом, то теперь его следы стали менее глубокими и расстояния между ними уменьшились: олень,

можно сказать, перешел на шаг.

И почти наверняка страдал от голода и жажды – ведь времени попасть у него не было; и он безопасности ради все время скрывался в густых зарослях, где нет возможности напиться.

Торак огляделся в поисках ручья. К западу сквозь заросли орешника, примерно шагах в тридцати от тропы, он заметил несколько ольховин. Ольха растет только рядом с водой. Значит, именно туда и направляется олень.

Они с волчком неслышно пробирались сквозь густой подлесок. Вскоре, приложив к уху согнутую ладонь, Торак уловил едва слышное журчание воды.

А Волк вдруг замер: уши торчком, одна передняя лапа приподнята и застыла в воздухе.

Да. Там. За ольховинами. Олень остановился, склонился к воде и пьет.

Торак осторожно прицелился.

Олень резко вскинул голову; с морды у него капала вода.

Торак видел, как он встревоженно потянул носом воздух; светлая шерсть у него на загривке встала дыбом. Еще мгновение, и он снова исчезнет в чаще. И Торак выстрелил.

Стрела вонзилась оленю чуть ниже плеча. Он содрогнулся всем телом, колени подогнулись, и он рухнул на землю.

Торак издал торжествующий вопль и ринулся к подстреленному оленю. Волчонок бросился с ним наперегонки и легко его обогнал, но потом замедлил свой бег, давая Тораку возможность с ним поравняться: волчонок учился уважать того, кто был главным в их стае.

Задыхаясь, Торак наконец остановился. Ребра оленя все еще слабо вздымались, но смерть его была уже близка, и три его души готовились покинуть брренное тело.

Торак сглотнул. Теперь он должен был сделать то, что у него на глазах бесчисленное множество раз делал его отец. Но для него это будет впервые, и он просто обязан сделать все правильно.

Опустившись возле умирающего животного на колени, он нежно погладил его по горячей, покрытой жесткой шерстью морде. Олень лежал совершенно спокойно.

– Ты здорово сражался, – сказал ему Торак. Голос его звучал неуверенно, словно ему неловко было произносить эти слова. – Ты проявил ум и храбрость и за весь день почти не останавливался. Обещаю, что ничем не нарушу нашу договоренность с Великим Духом. Прими мое глубочайшее уважение. Иди с миром.

Некоторое время он смотрел, как смертная пелена затягивает большой блестящий глаз оленя.

Потом повернулся к волчонку и, склонив голову набок, весело наморщил нос и оскалил зубы в волчьей улыбке: «Отлично поработал, спасибо тебе!»

Волчонок радостно взвизгнул и прыгнул на Торака, чуть не сбив его с ног. Торак засмеялся и протянул ему горсть черники, достав ее из своего мешочка с припасами. Волк мгновенно проглотил угощение.

Прошло уже семь дней с тех пор, как они ушли от реки, но пока что не встретили ни малейших следов того медведя, не видели даже крошечного клочка бурой шерсти, зацепившегося за ветки. И того рева, от которого, казалось, содрогался весь Лес, они больше не слышали.

И все-таки в Лесу что-то было не так. Это был месяц Ревущих Оленей – в это время у благородных оленей происходят осенние поединки и свадьбы, повсюду слышится их рев и грохот скрещенных в схватке рогов, когда они бьются за олениху. Но вокруг царила тишина. Казалось, Лес постепенно пустеет; зверье словно разбежалось перед лицом невидимой угрозы.

За минувшие семь дней единственными, кого в изобилии встречали Торак и Волк, были птицы и мыши-полевки. А однажды Торак заметил – причем они появились так неожиданно, что у него сердце чуть не остановилось, – целую

группу охотников: троих мужчин, двух женщин и собаку. К счастью, им с Волком удалось незамеченными ускользнуть прочь. «Держись от людей подальше, – предупреждал его отец. – Если они узнают, на что ты способен...»

Торак не понимал, что означает это предостережение, но знал, что отец прав. Впрочем, он вырос вдали от людей и не желал иметь с ними ничего общего. Кроме того, теперь у него был Волк. И с каждым днем они с Волком все лучше понимали друг друга.

Торак уже догадался, что язык волков – это сложная совокупность жестов, взглядов, запахов и звуков. Жесты включают в себя движения морды, ушей, лап, хвоста, плеч, шерсти или даже всего тела. Многие из них едва заметны: слабейшее покачивание или подергивание. Большая часть жестов не сопровождается звуками. Теперь Торак понимал довольно много таких жестов, хотя учить их ему не пришлось – скорее, он их постепенно вспоминал; во всяком случае, у него было именно такое ощущение.

И все же была одна вещь, которой, как он знал, он никогда овладеть не сумеет, потому что он – не волк. Он называл это про себя «волчьим чутьем»: дар Волка безошибочно улавливать любые мысли и настроения Торака.

У Волка, впрочем, тоже были свои настроения. Иногда он становился настоящим детенышем со щенячьей любовью к ягодам и полной неспособностью хотя бы минуту посидеть спокойно. Например, в тот раз, когда Торак проводил обряд наречения его именем Волк, он без конца дергался, вскакивал, а потом взял да и слизал весь красный ольховый сок, которым Торак намазал ему лапы. А в иных случаях он действительно был для Торака провожатым: Волк загадочным образом совершенно точно знал, куда им нужно идти. Но если Торак пытался спросить его об этом, он отвечал всего лишь: «Я просто знаю».

А в эти минуты Волк не был провожатым. Он был волчонком. И морда у него вся была перепачкана черникой, и он, повизгивая, просил еще.

Торак засмеялся и оттолкнул его:

– Больше не получишь! Мне дело нужно делать.

Волк отряхнулся, улыбнулся ему и отошел в сторонку, собираясь немного вздремнуть.

Целых два дня у Торака ушло на то, чтобы очистить скелет оленя от мяса. Он ведь дал обещание и обязан сдержать свое слово – ни крошки не должно пропасть зря. Этого требовал старинный договор, заключенный между охотниками и Великим Духом. Если охотник бережно относился к убитому животному, Великий Дух посылал ему новую добычу.

Но до чего же эта работа оказалась тяжелой! Чтобы быстро и правильно освежевать тушу и снять мясо с костей, нужна долгая практика. У Торака далеко не все получалось как надо, но он очень старался.

Сперва он вспорол оленю брюхо и отрезал кусок печени для хранителя племени. Остальную печень он нарезал полосками и положил вялиться. Поколебавшись немного, кинул небольшой кусок Волку, и тот моментально сглотнул подачку.

Затем Торак освежевал тушу, аккуратно и чисто отделив шкуру от мяса с помощью скребка, сделанного из оленьего рога. Шкуру он промыл в воде, посыпал ее толченой дубовой корой, чтобы потом легче было содрать шерсть, и растянул шкуру между двумя молодыми деревцами – повыше и подальше от жадного волчьего языка. Высохшую и распушившуюся шерсть он соскреб, по неумению несколько раз продырявив шкуру, и принялся размягчать кожу, втирая в нее кашу из оленьих мозгов. Затем он еще раз вымочил кожу в воде, высушил ее и получил вполне приличный материал для плетения веревок и лесок.

Пока шкура сохла, Торак нарезал мясо тонкими полосками и повесил над костром из березовых дров, дающих много дыма. Когда полоски мяса слегка подвялились, он старательно отбил их двумя камнями, делая как можно тоньше, и скатал их в небольшие, но очень плотные клубки. Мясо было отличное. Одна такая полоска – и можно запросто продержаться полдня.

Внутренности Торак вымыл, вычистил и тоже повесил вялиться над костром. Из желудка выйдет отличный бурдюк для воды; из мочевого пузыря – запасная трутница; в кишках хорошо будет хранить орехи. Легкие достанутся Волку. Большую их часть Торак высушил и отложил на потом – придется сперва самому жевать их во время дневной и вечерней трапезы, а потом выплевывать и

отдавать волчонку, ведь волчата едят только отрыгнутую пищу; впрочем, он и сейчас дал волчонку приличный кусок, чтобы тот поиграл с мясом. А поскольку у него не было ни одной посуды для готовки и не в чем было сварить клей, ему пришлось и оленьи копыта отдать в полное распоряжение волчонка, и тот неумолимо грыз их, пока не разгрыз на мелкие кусочки.

Затем Торак промыл длинные спинные жилы, которые отложил в сторонку еще во время разделки туши, хорошенько отбил их камнями, сделав совсем плоскими, а потом принялся расчленять их на отдельные волокна. Эти волокна использовались в качестве ниток для шитья одежды и обуви. Торак высушил их и натер жиром, чтобы они стали эластичнее. Нити, конечно, получились далеко не такими ровными и гладкими, как те, которые делал отец, но Торак решил, что и такие сойдут. Во всяком случае, они были достаточно прочными и уж точно пережили бы любую одежду, которую он решил бы сшить с их помощью.

И наконец, он дочиста выскреб рога и самые длинные из костей и связал их в отдельный пучок, намереваясь затем расщепить их и превратить в рыболовные крючки и наконечники для стрел.

Работу Торак закончил только на второй день к вечеру. Он сидел у костра, чувствуя в желудке приятную тяжесть от съеденного мяса и неторопливо вырезая ножом свисток из глухаринной косточки. Нужно же было как-то подзывать волчонка, который постоянно убегал слишком далеко, в одиночку шныряя по Лесу. Но волчий вой тут не годился: он был слишком громок. Те охотники, которых видел Торак, вполне возможно, по-прежнему были где-то неподалеку, так что рисковать не хотелось.

Закончив вырезать свисток, он решил его опробовать и был страшно разочарован: из свистка не удавалось извлечь ни звука. Торак выругался. Отец делал для него бесчисленное множество таких свистков, и они всегда издавали чистый свист, очень похожий на птичий. Почему же этот молчит?

В отчаянии Торак решил в последний раз попробовать свистнуть и подул в свисток изо всех сил, но свиста не получилось. Так что он очень удивился, когда Волк вдруг вскочил, точно его ужалил шершень, и вопросительно посмотрел на него.

Торак тоже вопросительно смотрел то на вскочившего волчонка, то на злополучный свисток. А потом снова попытался свистнуть.

И снова звука не последовало. Но на этот раз Волк коротко зарычал, потом заскулил, словно показывая, что ему это не нравится, но он все же не уйдет, чтобы не обидеть Торака.

Торак в порядке извинения ласково почесал волчонка под нижней челюстью. Тот вздохнул и плюхнулся на землю с таким выражением, словно хотел сказать: нечего было и звать, если тебе от меня ничего не нужно!

Заря на следующий день была особенно ясной, и, когда они снова вышли в путь, настроение у Торака было приподнятым.

Прошло уже двенадцать дней с тех пор, как медведь убил его отца. За это время Тораку довелось сразиться с голодом, победить лихорадку, найти Волка и убить свою первую настоящую добычу. Он, правда, совершил и немало ошибок, но все же был жив и здоров.

Иногда Торак думал о том, как отец путешествует по Стране Мертвых – в этой стране сколько хочешь стрел и охота всегда бывает удачной. «В конце концов, – думал Торак, – лук у отца с собой, да и нож мой ему пригодится. И все наши запасы вяленого мяса он тоже с собой прихватил». Эти мысли внушали ему надежду и несколько притупляли боль утраты.

Впрочем, Торак понимал, что до конца эту боль ничто утишить не сможет; она всю жизнь будет тяжелым камнем давить ему на сердце. Но этим утром «камень» утраты не казался ему особенно тяжелым. Он все-таки сумел выжить, и отец вполне мог бы им гордиться.

Торак чувствовал себя почти счастливым, пробираясь сквозь густой подлесок по оленьей тропе, на которой дрожали пятнышки солнечных зайчиков. Над головой весело щебетала пара дроздов. Толстый довольный волчонок старался не отставать от него и бежал рядом, высоко задрал свой пушистый серебристый хвост.

Толстый, счастливый и беззаботный.

Торак успел еще услышать шелест веток за спиной, и в ту же секунду чья-то огромная рука, схватив его за шиворот, высоко подняла в воздух.

Глава 7

Трое охотников. Три смертоносных кремневых острия, нацеленных на Торака.

Мысли вихрем проносились у него в голове. Он старался почти не дышать. И не мог ни пошевелиться, ни посмотреть, где Волк.

Тот человек, что крепко держал его за шиворот, оказался настоящим великаном. Его спутанная рыжая борода напоминала неопрятное птичье гнездо; одна щека была как бы оттянута книзу уродливым шрамом; похоже, тот, кто оставил ему на память этот шрам, лишил его и одного уха. В свободной руке великан сжимал острый кремневый нож, приставив его прямо к горлу висящего в воздухе Торака.

Рядом с рыжебородым стояли высокий юноша и девочка примерно одних лет с Тораком. У обоих были темно-рыжие волосы и гладкие, какие-то безжалостные лица; и стрелы их с кремневыми наконечниками были нацелены Тораку прямо в сердце.

Торак судорожно сглотнул. Он очень надеялся, что выглядит не слишком испуганным, хотя на самом деле ему было очень страшно.

– Отпустите меня, – задыхаясь, попросил он и, качнувшись в сторону великана, попробовал его лягнуть, но промахнулся.

Великан проворчал:

– Ну, вот и наш воришка! – хватая Торака за горло и чуть не задушив его.

- Я не... вор! - закашлялся Торак.

- Нет, вор! - сердито выкрикнула девчонка.

- Но как... я мог... что-то украсть у вас? Я ведь даже не знаю, кто вы такие!

- Он лжет, - холодно сказал юноша.

А девчонка, не обращая на него внимания, продолжала:

- Ты перехватил нашу косулю! - И заметила, обращаясь к рыжебородому великану: - Отпусти его, Ослак, не то удушишь.

Ослак поставил Торака на землю, но держал его по-прежнему крепко и нож от горла тоже не убрал.

А девочка аккуратно сунула стрелу в колчан и закинула лук и колчан за плечо. Зато юноша стрелу убирать и не подумал. Судя по тому, как блестели его глаза, все это доставляло ему удовольствие. И выстрелил бы он, явно не задумываясь.

Торак откашлялся, потер горло и попытался незаметно дотянуться до ножа.

- Не тронь! Лучше я сам его возьму.

Ослак, не ослабляя хватки, свободной рукой ловко снял с мальчика нож и лук и швырнул к ногам девочки. И она, с любопытством осмотрев его нож, спросила:

- А это ты тоже украл?

- Нет! - возмутился Торак. - Это... этот нож принадлежал моему отцу.

Конечно же, они ему не поверили!

Он посмотрел на девочку:

- Ты сказала, что я перехватил вашего оленя. Как это он мог быть вашим?

- Это наша часть Леса, - надменно заявил юноша.

Торак был озадачен.

- Как это - «ваша часть Леса»? Лес никому не принадлежит...

- Теперь принадлежит, - презрительно оборвал его юноша. - Это было решено на Совете племен. Потому что... - Он не договорил и нахмурился. - Но это не важно. Гораздо важнее то, что ты перехватил нашу добычу. А по закону за такой поступок полагается смерть. И не притворяйся, будто ты этого не знал.

Торак покрылся холодным потом. СМЕРТЬ? Как это? Неужели за какую-то косулю человека могут убить?

Во рту у него так пересохло, что он едва смог пошевелить языком.

- Но если... если это тот самый олень, которого вы преследовали, то возьмите его и отпустите меня. Мясо у меня в заплечной корзине. Съесть я успел совсем немного.

Ослак и девчонка переглянулись, но юноша сурово покачал головой и заявил:

- Все не так просто. Теперь ты - мой пленник. Ослак, свяжи ему руки, и отведем его к Фин-Кединну.

- А где это? - с тревогой спросил Торак.

- Фин-Кединн - это не название места, - усмехнулся Ослак, - а имя человека.

- Да ты хоть что-нибудь знаешь? - фыркнула девчонка.

- Фин-Кединн - мой дядя, - сказал юноша, гордо выпрямившись, - и вождь нашего племени. А мое имя - Хорд, мой отец был братом Фин-Кединна.

- А что это за племя? И куда вы меня ведете?

Но на вопросы Торака никто не ответил, а Ослак так его подтолкнул, что он упал на колени. Пытаясь встать, он оглянулся через плечо и, к своему ужасу, увидел, что Волк вернулся, явно желая отыскать его, и стоит от них шагах в двадцати, неуверенно поглядывая на незнакомцев и принюхиваясь.

Те пока что волчонка не замечали. А что, если заметят? Возможно, они тоже уважают старинный закон Леса, запрещающий охотнику убивать другого охотника. Но что, если им захочется отогнать Волка прочь? Торак сразу представил себе, как беззащитный волчонок бродит по Лесу и воет от голода...

Чтобы предупредить своего маленького друга и заставить его оставаться на месте, он дернул головой и негромко, но настойчиво сказал: «Уфф!», что по-волчьи означало: «Опасность!»

Ослак от удивления даже споткнулся и чуть не упал на него:

– Что ты сказал?

– Уфф! – громко повторил Торак.

И с отчаянием увидел, что Волк и не думает отступить. Наоборот, прижав уши, он бросился прямо к Тораку...

– А это еще что такое? – пробормотал Ослак.

Не выпуская Торака из своей ручки, он быстро наклонился и схватил волчонка за шкуру.

Тот извивался и огрызался, но выглядел жалким и маленьким, свисая из огромной красной лапищи Ослака.

– Сейчас же отпусти его! – крикнул Торак, изо всех сил стараясь вырваться. – Отпусти, не то я тебя убью!

Ослак и девчонка так и покатались со смеху.

- Отпусти его! – уже совсем иным тоном взмолился Торак. – Он же тебе ничего не сделал!

- Ладно, отгони его подальше, и пошли, – раздраженно приказал Хорд.

- Нет! – что есть силы завопил Торак. – Это мой про... Нет!

Девочка глянула на него с подозрением:

- Твой – кто?

- Ну, просто он мой, – пробормотал Торак.

Он понимал, что не должен никому открывать ни своего намерения отыскать Священную Гору, ни своего умения разговаривать с Волком.

«Держись от людей подальше. Если они узнают, на что ты способен...»

- Пошли, Ренн, – сердито буркнул Хорд. – Мы зря теряем время.

Но Ренн все еще с сомнением разглядывала Торака. Потом повернулась к Ослаку и велела:

- Давай его сюда. – Она сунула волчонка в мешок из оленьей шкуры и крепко затянула горлышко плетеной тесемкой. Закинув за спину извивающийся воющий мешок, она сказала Тораку: – А ты лучше веди себя смирно, не то я возьму да и разобью ему башку о дерево.

Торак метнул на нее гневный взгляд. Вряд ли девчонка проявит такую жестокость, однако ей куда быстрее удалось смирить его, чем Ослаку или Хорду.

Ослак снова с силой подтолкнул его сзади, и они двинулись по протоптанной оленями тропе куда-то на северо-запад.

Вскоре у Торака начали ныть связанные кисти рук. «Ладно, пусть ноют», – думал он злобно. Он был страшно зол на себя. «Всегда сперва посмотри, что у тебя сзади». Отец столько раз повторял это ему! А он не посмотрел. И вот теперь за это расплачивается, а вместе с ним и Волк. Из мешка, висевшего у девчонки за спиной, больше не слышалось ни рычания, ни придушенных воплей. «Неужели он задыхается? А вдруг он уже умер?» – в ужасе подумал Торак.

И стал упрашивать Ренн хоть немного приоткрыть мешок и дать волчонку глотнуть воздуха.

– Не нужно, – заявила она, даже не обернувшись, – я же чувствую, как он там дрыгается.

И Торак, стиснув зубы, пошел дальше, понимая, что просто необходимо поскорее что-то придумать для их спасения.

Ослак неотступно следовал за ним, а Хорд постоянно маячил впереди всех. На вид Хорду было лет девятнадцать. Этот красивый и хорошо сложенный юноша выглядел одновременно и чересчур самоуверенным, и каким-то беспокойным: похоже, ему отчаянно хотелось быть во всем первым, но он – и, видимо, не без оснований – боялся, что всегда и во всем будет в лучшем случае только вторым. Ладно сшитая одежда его отличалась аккуратностью, да и цвета в ней были здорово подобраны: куртка и штаны прошиты жилами, сплетенными в косичку и окрашенными красной краской, а по краю отделаны еще какими-то птичьими перьями с зеленоватыми пятнышками. На груди у Хорда красовалось потрясающее ожерелье из зубов благородного оленя.

Торак был озадачен. Зачем охотнику такая яркая цветная одежда? А это ожерелье еще и брякает при каждом движении, что уж вообще никуда не годится.

Ренн лицом походила на Хорда, и Торак догадался, что они, наверное, брат и сестра, только Ренн года на четыре моложе. На ее светлой коже была отчетливо видна племенная татуировка – по три тонкие темно-синие полоски на каждой скуле, – придававшая ее облику несколько излишнюю резкость и вызывавшая недоверие. «Вряд ли, – думал Торак, – я когда-нибудь стану просить ее о помощи».

Куртка и штаны Ренн, сшитые из оленьей шкуры и довольно грязные и потертые, не отличались изысканностью, зато ее лук и колчан со стрелами были просто великолепны; стрелы были искусно оперены перьями совы и летели, видимо, совершенно бесшумно. На большом и указательном пальце левой руки Ренн носила кожаные перстни-обереги, а на правом запястье еще один оберег – браслет из зеленого полированного сланца. Торак догадался, что такие браслеты носят те, что живут, служа другим, за счет своего умения отлично стрелять из лука. «Так вот в чем дело! – думал он. – Вот почему она, в отличие от Хорда, так скромно одета!»

Но из какого же она племени? Слева к куртке у нее был пришит – как и у Ослака и Хорда – символ их рода: пучок блестящих черных перьев, явно принадлежавших тотему племени. Но кому именно? Лебедю? Орлу? Торак никак не мог угадать.

Они шли все утро, не останавливаясь ни поесть, ни напиться. Они пересекали болотистые долины, сплошь заросшие ольхой и вечно что-то шепчущими осинками, взбирались на холмы, темные от шумливых бессонных сосен. Когда Торак проходил под ними, эти деревья печально вздыхали, словно оплакивая его скорую гибель.

Небо затянули тучи, солнце скрылось, и Торак растерялся, не понимая, в каком направлении они движутся. Наконец им попался холм, подножие которого покрывали многочисленные высокие, по пояс, муравейники. А поскольку муравьи строят свои дома только с южной стороны деревьев, Торак догадался, что идут они примерно на запад.

Через некоторое время они подошли к небольшому ручейку, и Хорд позволил всем напиться, но угрожающе прорычал:

– Мы слишком медленно идем! Нам еще через всю долину топать нужно, пока мы до Извилистой реки доберемся.

Торак насторожился, надеясь, что удастся подслушать что-нибудь полезное...

Но Ренн тут же заметила, что он подслушивает.

– Извилистая река, – медленно пояснила она, разговаривая с ним, как с младенцем, – находится еще дальше к западу, в соседней долине. Там мы осенью всегда устраиваем стоянку. А в двух днях ходьбы отсюда на север раскинулась Широкая Вода, где мы обычно стоим летом. Мы ловим там лосося. Лосось – это рыба такая, если ты не знаешь.

Торак чувствовал, как гневно пылают у него щеки. Что ж, по крайней мере, теперь он знал, куда они направляются: на осеннюю стоянку его пленителей. Это плохо. Стоянка – значит очень много людей и очень мало шансов на спасение.

Они все шли и шли, а солнце спускалось все ниже, и пленители Торака стали вести себя настороженно, часто останавливались, прислушивались, озирались. Он догадывался: они тоже знают о том медведе. Возможно, именно поэтому они и ввели неслыханный обычай заранее «владеть» добычей, которую еще и убить не успели. Видимо, добыча становилась все более редкой, ибо медведь распугал всех зверей. Торак старался не думать о медведе, но это ему удавалось плохо.

Они спустились в большую долину, где росли дубы, ясени и сосны, и вскоре достигли широкой серебристой реки. Это, наверное, и была Извилистая река.

И вдруг Торак почуял запах древесного дыма. Они приближались к стоянке.

Глава 8

Когда они вчетвером перебирались через реку по деревянному мосту, Торак неотрывно смотрел вниз, на скользящие волны, и думал, а не прыгнуть ли в воду. К сожалению, руки у него были связаны, так что он наверняка утонул бы. Да и Волка бросить он никак не мог.

На том берегу они прошли вниз по течению шагов десять, и деревья вдруг расступились, открывая широкую поляну. Торак сразу почуял запах сосновых

дров и свежей крови и увидел четыре больших жилища, крытых шкурами северных оленей. Таких домов он никогда раньше не видел. Вокруг было полно людей, но все они были заняты работой и Торака пока что не замечали. А он с какой-то удивительной, порожденной страхом ясностью воспринимал каждую деталь нового для него быта.

На берегу реки двое мужчин свеживали тушу кабана, подвешенную к ветке дерева. Они уже выпотрошили зверя и теперь, убрав ножи в ножны, аккуратно сдирали с него шкуру, чтобы ни в коем случае не повредить ее и не проткнуть. Оба были обнажены по пояс, но в длинных фартуках, сшитых из рыбьих шкурок. Эти люди показались Тораку пугающе могучими; на их мускулистых руках бугрились уродливые зигзагообразные шрамы. С туши кабана медленно сочилась кровь, падая в подставленное корытце из бересты.

На мелководье две девушки в коротких рубашках из оленьей кожи, хихикая, промывали кабаньи внутренности, а рядом трое малышей старательно лепили из мокрого песка куличики и украшали их веточками сикоморы. Две легкие гладкие лодочки, крытые шкурами, лежали на берегу недалеко от воды. Земля вокруг лодок вся блестела от рыбьей чешуи. Две собаки довольно свирепого вида, подвывая, выпрашивали подачку.

В центре поляны возле большого костра из сосновых дров на циновках, сплетенных из ивовых веток, сидели женщины и, тихо переговариваясь, лущили лесные орехи или перебирали и складывали в корзину ягоды можжевельника. Никто из них внешне не походил ни на Хорда, ни на Ренн; Тораку даже на минутку пришло в голову, что брат с сестрой – тоже сироты, как и он.

Чуть в стороне от женщин какая-то старуха изготавливала стрелы: вставляла тонкие, как иглы, осколки кремня в прорезь на древке, а затем прочно закрепляла их с помощью клея из сосновой смолы и пчелиного воска. К куртке ее спереди был пришит круглый костяной амулет с вырезанной на нем спиралью, и Торака догадался, что старуха эта, должно быть, колдунья. Отец много рассказывал ему о колдунах: они умели исцелять болезни, предсказывать, где есть дичь и какая будет погода. Но эта старая женщина выглядела так, словно могла делать и куда более опасные вещи, чем предсказывать погоду.

У костра хорошенькая девушка приглядывала за варевом, готовящимся в обмазанном глиной бурдюке. Пар от варева поднимался такой густой, что у девушки шевелились волосы, когда она палочкой-рогулькой вынимала из костра

раскаленные докрасна камни и бросала их в бурдюк. Похлебка распространяла такой аппетитный мясной дух, что у Торака потекли слюнки.

Рядом с девушкой немолодой мужчина, стоя на коленях, надевал на вертел тушки зайцев. У него были такие же темно-рыжие волосы, как и у Хорда, и короткая рыжая бородка, но на этом все его сходство с Хордом и заканчивалось. Лицо мужчины поражало своим спокойствием и силой; Тораку даже показалось, что оно вырезано из песчаника. Он так засмотрелся на его необычное лицо, что даже позабыл о дивном аромате мясной похлебки. И без слов было ясно, что этот человек обладает здесь огромной властью.

Ослак развязал Тораку руки и подтолкнул его к центру поляны. Собаки тут же вскочили и яростно залаяли. Старуха сделала рукой какое-то мимолетное движение, и собаки смолкли, продолжая лишь тихо рычать. Все сразу перестали заниматься своими делами и уставились на Торака. И только тот мужчина у костра продолжал спокойно насаживать зайцев на вертел. Наконец, покончив с этим, он неторопливо вытер руки о землю, поднялся и стал молча ждать, когда Торака подведут к нему поближе.

Хорошенькая девушка, варившая суп, мельком глянула на Хорда и, застенчиво ему улыбнувшись, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/peyver_mishel/brat-moy-volk

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)